

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 882 (09)

О. В. БАРСКИЙ

Омская гуманитарная академия

СЮЖЕТНАЯ ПОЛИФОНΙΑ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»: ЛЕНСКИЙ И ТАТЬЯНА

В статье идет речь о некоторых композиционных особенностях романа в стихах «Евгений Онегин». Задействованные здесь Пушкиным монтажные приемы выполняют особую функцию: они являются средством смысловой организации произведения, сообщения ему дополнительного тематического содержания. На первый план в статье выходят сюжетная линия Татьяны и Ленского и сюжетная полифония романа.

Ключевые слова: композиция, мотив, сюжетная линия, сюжетная полифония, смысловая организация.

Композиционная необычность «деревенской» истории, занимающей большую часть пушкинского романа в стихах, не сразу бросается в глаза. На первый взгляд, автор, как это обычно делается, выбирает ряд эпизодов, связанных с ключевыми моментами истории, и опускает не важные для него и читателей происшествия и обстоятельства. Однако при более внимательном рассмотрении становится ясно, что «непроговоренные» места здесь особым образом организованы: недомолвки, двусмысленности, смена интонации, обрывы повествования, неожиданные переходы с одной темы на другую способствуют тому, что за рамками основного сюжетно-событийного ряда завихряются «закадровые» сюжеты, позволяющие взглянуть на изображенные в романе события с других точек зрения. Описать это явление

можно, используя понятия возможного сюжета и сюжетной полифонии, введенные С. Г. Бочаровым [1, с. 17–77] и Ю. Н. Чумаковым [2, с. 249–283]. Комментируя первое понятие, М. Н. Виролайнен указывает, что возможным Бочаров «называет не тот сюжет, который оставлен на стадии замысла или изменен по ходу черновой работы. Для Бочарова важно, что законченные беловые тексты, «Евгений Онегин» например, тоже могут содержать ветвление сюжетных возможностей, не реализованных, но намеченных и подчас далеко расходящихся с осуществленным сюжетным ходом. Возможность — не мечта, не иллюзия. Возможность *существует*, причем на равных правах с тем, что реализовано, хотя и в ином измерении, чем оно» [3, с. 37] (выделено автором). Результатом переплетения возможных сюже-

тов с реализованными становится сюжетная полифония — одни и те же события получают различные мотивировки, оказываются вписаны в различные причинно-следственные ряды, обнаруживают в своей основе различные коллизии.

Мы рассмотрим сюжетную полифонию пушкинского романа на примере возможного сюжета, раскрывающего тайну отношений Татьяны и Ленского. «Непроговоренность» этих отношений кажется очень странной ввиду ряда очевидных обстоятельств. До появления Онегина между его будущими знакомыми складывается ситуация потенциального «любовного треугольника»: Ленский, «чуть отрок, Ольгой плененный» [4, с. 40], не мог не принимать в соображение, что Татьяна подходит ему больше. Она ближе ему по возрасту (согласно Ю. М. Лотману, они оба родились в 1803 г. [5, с. 481]), по кругу интересов, по душевному складу она и «поэтичнее» на вид (что сразу заметил Онегин). В деревенской глуши, где у Владимира был явный недостаток аудитории, внимание Татьяны, умеющей чувствовать поэзию и красоту природы, должно было иметь для него большую ценность. Между тем не говорится ни слова, что Татьяна проявляла внимание к творчеству соседа, что тот интересовался ее мнением, что они вели литературные беседы или разговаривали на какие-либо другие темы. Нет даже простых проявлений интереса или вежливой доброжелательности. Нет и следов антипатии. Создается впечатление, что, несмотря на близость семей, сходство характеров и мировосприятия, Владимир и Татьяна практически не замечают друг друга. Едва ли это возможно. Напрашивается предположение, что мы имеем дело с умолчаниями. Какова их цель? И что именно умалчивается?

В процессе изложения «деревенской» истории автор семь раз касается отношений Татьяны и Ленского, но все их совместные упоминания неизменно вызывают вопросы, нет ни одного, которое не оставило бы какой-нибудь неясности. Автор словно намекает, что в отношениях этих персонажей скрыта какая-то тайна, что читателю здесь есть над чем поразмыслить.

1. Первое же упоминание ставит проблему этих отношений. Онегин говорит другу, что на его месте выбрал бы старшую сестру, и Владимир, несмотря на бестактный отзыв о его избраннице («как эта глупая луна на этом глупом небосводе»), не возмутился, а что-то «сухо отвечал и после во весь путь молчал». «Остается лишь удивляться, как пылкий Ленский не вызвал его тут же на дуэль» [6, с. 324], пишет в комментарии к данному эпизоду В. В. Набоков. Было ли «сухое» высказывание Ленского эмоциональным, выражающим обиду, или информативным? Сомнительно, чтобы экспрессивный друг Онегина выражал эмоцию «сухо». Тогда какого рода объяснение он мог дать своему выбору? При чем такое, которое не потребовало дальнейших расспросов и разъяснений.

2. На третий день ожидания Татьяной ответа на свое письмо появлению Онегина предшествует приезд Ленского, к которому хозяйка обращает вопрос о его приятеле:

— Сегодня быть он обещал.
Старушке Ленский отвечал:
Да, видно, почта задержала [4, с. 70].

Присутствовавшая в комнате девушка, очевидно, восприняла эти слова как намек на свое письмо:

Татьяна потупила взор,
Как будто слыша злой укор [4, с. 70].

Чей намек? От кого исходит укор? От судьбы, вложившей в уста Ленского слова, случайно совпавшие с волнующей Татьяну темой? Или от самого Владимира?

3. Станным выглядит приглашение на именины Татьяны, переданное Онегину Ленским:

...Татьяны именины
В субботу. Оленька и мать
Велели звать, и нет причины
Тебе на зов не приезжать [4, с. 93-94].

Зачем нужно это добавление к приглашению? Может быть, будь оно от самой именинницы, Ленский не смог бы так уверенно вынести решение за Евгения?

4. Ссора Ленского и Онегина во сне Татьяны, если не рассматривать этот сон только как пророческий, а попытаться вывести из предшествующих событий, тоже выглядит странной — ведь они были друзьями и Татьяна это знала. Почему в ее сне Владимир и Евгений вдруг оказались врагами? Схватка друзей приводит на память их «укоры» Татьяне — венчающий ее письмо («Иль сон тяжелый перерви, / Увы, заслуженным укором!» [4, с. 67]) и прозвучавший в словах Ленского («Татьяна потупила взор, как будто слыша злой укор»). Сон Татьяны, согласно ее ожиданию, был прерван укорами, но обращенными не к ней, а Онегиным и Ленским друг к другу, спорящими («Спор громче, громче» [4, с. 106]), конечно, о Татьяне. Поскольку дневные «укоры» были из-за ее письма Онегину, не оно ли стало причиной и притившегося ей спора?

5. Ленский танцевал с Татьяной первый танец на ее именинах, который, заметим, стал последним танцем в его жизни. Можно предположить, что Владимир пригласил Татьяну потому, что к Ольге раньше его подошел Петушков. Но, возможно, дело вовсе не в нерасторопности Ленского, а в его сознательно принятом решении? Так или иначе, о том, что Ленский пытался опередить Петушкова, в тексте ничего не говорится.

6. Следующее упоминание Татьяны и Ленского звучит в эпизоде последнего посещения Владимиром Лариных. Здесь мы находим целый клубок противоречий:

Когда б он знал, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы ведала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленский и Евгений
Заспорят о могильной сени;
Ах, может быть, ее любовь
Друзей соединила б вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывал.
Онегин обо всем молчал;
Татьяна изнывала тайно;
Одна бы няня знать могла,
Да недогадлива была [4, с. 124].

При чем здесь Татьяна, если она даже не присутствует при встрече Ленского с Ольгой? По крайней мере, в качестве присутствующей она не упомянута. Почему ничего подобного не говорится об Ольге, ведь дуэль из-за нее, а не из-за Татьяны? Ольга,

действительно, могла предотвратить дуэль, знай она о вызове Ленского. При чем здесь «рана» Татьяны, то есть, по-видимому, невнимание к ней Онегина? Допустим, знай Ленский, что Татьяна любит Онегина, он бы его пожалел. Допустим, узнай Ленский, что танцами с Ольгой Онегин старался ранить Татьяну, а не соблазнить ее сестру, он бы иначе взглянул на поступок друга. Но как это знание могло «друзей соединить вновь», ведь Онегин отказал Татьяне и, по сути дела, стал «врагом» семьи, в которую вот-вот вступит Ленский? Почему «этой страсти и случайно еще никто не открывал», ведь разговоры, что свадьба Татьяны и Онегина «слажена совсем», давно велись между соседями? Да и на именинах «не один Евгений / Смятенье Тани видеть мог» [4, с. 111]. Что касается няни, то ее «недогадливость» приводит на память слова Татьяны «Как недогадлива ты, няня» [4, с. 69], сказанные в связи с адресатом любовного письма. Казалось бы, очевидно, что здесь имеется в виду тот же человек — Онегин. Но ведь тогда Татьяна разрешила загадку, этот пункт «недогадливости» няни снят, трудно было не догадаться, что прямо названный утром Онегин и был тем человеком, сообщением о влюбленности в которого девушка напугала няню вечером. Следовательно, в данной строфе имеется в виду ее «недогадливость» о чем-то другом.

7. Ключ к ответам на эти и другие вопросы можно найти в совместном упоминании Татьяны, Онегина и Ленского в XIV строфе седьмой главы:

Она его не будет видеть;
Она должна в нем ненавидеть
Убийцу брата своего [4, с. 144].

Наиболее очевидный смысл словосочетания «свой брат» в контексте основной сюжетно-событийной линии — муж сестры, зять. То есть Татьяна должна ненавидеть в Онегине убийцу своего несостоявшегося родственника. Возможно также отношение местоимения «свой» не к Татьяне, а к Онегину, тогда слово «брат» будет обозначать «ближний». В этом случае открывается проекция библейского мифа о Каине и Авеле. Пускающийся в странствие Евгений вызывает отчетливую ассоциацию с первым убийцей.

Но возможно и прямое, безконтекстное, понимание словосочетания «свой брат»: Ленский мог быть родным братом Татьяны, у них мог быть один отец. Это предположение не противоречит представленным в тексте фактам, проясняет указанные нами проблемные места и еще целый ряд не очень понятных, на первый взгляд, повествовательных и композиционных решений автора.

Мать Татьяны, как известно, вышла замуж не по любви. Смирившись со своей участью, Ларина развлеклась тем, что «самодержавно управляла» супругом и, возможно, не всегда была верна ему. Косвенным подтверждением такой вероятности служит то, что женское «самодержавное правление» неизбежно вызывает ассоциацию с Екатериной II, чья супружеская неверность считалась едва ли не подвигом, ввиду ее положительных исторических последствий. Из гостей Лариных упомянуты только Ленские, отец и мать Владимира. «Екатерининская» ассоциация заставляет обратить внимание на созвучие фамилий Ленский и Ланской. Последняя, как известно, принадлежала любимому фавориту императрицы. В связи с этим созвучием вспоминаются слова автора в последней строфе первой главы романа:

Я думал уж о форме плана
И как героя назову;
Покаместь моего романа
Я кончил первую главу [4, с. 30].

Поскольку у заглавного героя уже есть имя, логично сделать вывод, что речь идет о Ленском. Фамилия последнего, следовательно, появилась в результате размышлений. Так как автор — персонаж романа [7, с. 196–202], мы вправе спросить — каких? Его действия, чувства, мысли сюжетно функциональны, значит, и эти размышления упомянуты не просто так. Теперь, во второй главе, найдя мотивировку имени, мы можем заполнить эту клеточку — автор старался подобрать имя, соответствующее смыслу, вкладываемому им в историю провинциальных семей. В семантику имени, помимо указанной ассоциации, включается история его изобретения. Сюжетное значение приобретает сам процесс кодирования повествования.

Старший Ленский был другом бригадира Ларина и вместе с ним «прочил венцы» увлеченным младенческими забавами Ольге и Владимиру. Не исключено, что за этим пожеланием стояло стремление уберечь Владимира от другого выбора — Татьяны, которая, возможно, не только вследствие любви к уединению «в семье своей родной / Казалась девочкой чужой» [4, с. 42].

Посещение Ленским могилы Ларина приобретает особый смысл в свете данного предположения. Меланхолия Владимира и сравнение покойного бригадира с шекспировским шутком могут быть мотивированы его размышлениями о судьбе отца Ольги и своей будущей судьбе. Мотив неверности несколько раз возникает в «деревенских» главах в связи с Ольгой и Ленским. Наиболее очевиден он в сетованиях Ленского на пиру («Возможно ль? Чуть лишь из пеленок, / Кокетка, ветреный ребенок! / Уж хитрость ведает она, / Уж изменять научена!» [4, с. 116]). Категоричные выводы Владимира по такому мало-значительному поводу дают основания полагать, что мысль о склонности Ольги к изменам у него зародилась давно. Скорее всего, именно нежелание развивать эту склонность заставляло его пропускать места, «опасные для сердца дев» [4, с. 84], при чтении вслух нравоучительных романов. Видимо, неслучайно и автору, пустившемуся после дуэли в рассуждения о том, как могла сложиться жизнь Ленского, участь роконосца представляется одним из наиболее вероятных вариантов.

Итак, мы вправе допустить, что на могиле Ларина Владимир размышляет о повторении судьбы обманутого соседа, о своей будущей семейной жизни.

Теперь мы можем попытаться объяснить странную реакцию Ленского на грубость Онегина. Вполне вероятно, что «сухой ответ» Владимира был о родственной связи, не позволившей ему сделать другой выбор. Заметим, что эта грубость могла быть следствием того, что Ленский вовсе не убеждал друга в своей любви к Ольге.

Не исключено, что слова Ленского о задержавшей Онегина почте, действительно, укоряли Татьяну. Получив письмо, Евгений мог обратиться к Владимиру за советом, поскольку оно не было подписано. А если он и разгадал автора послания, то мог рассказать Ленскому о письме потому, что не желал вести за спиной друга интригу с его сестрой. Приезд Ленского к Лариным раньше Онегина, может быть, стал следствием негодования Владимира, его внезапно вспыхнувшей ревности, нежелания продол-

жать разговор о письме Татьяны. Начало четвертой главы, содержащее описание отношения Онегина к женщинам и его первое впечатление от письма Татьяны, возможно, передает содержание разговора между друзьями на эту тему. Логично в таком случае предположить, что выпущенные первые шесть строф изображали ситуацию разговора. С разговора друзей начинается третья глава — автор словно делает прочерк, обозначая такую же ситуацию в начале следующей главы.

С этой точки зрения становится понятно, почему «укоры» Ленского и Онегина во сне Татьяны трансформировались в схватку. Друзья, как она могла подумать, ревновали ее друг к другу.

Получает объяснение и необязательное добавление Ленского к приглашению на именины Татьяны. Если бы позвала сама Татьяна, у Онегина был бы повод отказаться ввиду написанного ею любовного письма, о котором Ленский, вероятно, знал.

Приглашение Ленского Татьяне протанцевать первый танец имеет в контексте нашей возможной линии несколько мотивировок: порыв влюбленного, обрадовавшегося редкому случаю побыть в непосредственной близости с возлюбленной; желание воспользоваться правом ближайшего родственника из лиц мужского пола; желание отвлечь Татьяну, испытывающую сильное смущение в присутствии Онегина; ревнивое желание переключить ее внимание на себя; избавление Онегина от обязанности первым приглашать Татьяну, продиктованной, вероятно, неслучайно предоставленным ему местом напротив нее. Возможно переплетение нескольких и даже всех мотивировок.

Окончательная мотивировка его решения стрелять с другом («Не потеряю, чтоб развратитель / Огнем и вздохов и похвал / Младое сердце искушал; / Чтоб червь презренный, ядовитый / Точил лилеи стебелек; / Чтобы двухутренний цветок / Увял еще полураскрытый [4, с. 123–124]») с большим основанием может быть отнесена к Татьяне, чем к Ольге. Маловероятно, чтобы Онегин осмелился и дальше «искушать» невесту друга, зато он наверняка продолжил бы «мучить» Татьяну, о которой было ранее сказано, что она от любви к Евгению «увядает, / Бледнеет, гаснет и молчит [4, с. 83]».

«Татьянинский» подтекст слов Ленского делает логичным переход к ее «ране» в начале следующей строфы. Вероятно, имеется в виду, что Владимир вызвал Онегина на дуэль из-за Татьяны, а не из-за Ольги. Пожалуй, только в этом случае уместно было бы говорить о благом вмешательстве Татьяны в ход дуэли. Согласие Онегина на поединок тоже могло иметь в основе не столько боязнь светских кривотолков, сколько ревность к Ленскому. Эту взаимную ревность Татьяна ощутила еще накануне сна, наблюдала ее на своих именинах, она же, вероятно, ее и ранила. Но как все-таки любовь Татьяны могла «друзей соединить вновь»? Допустим, в этой строфе имеется в виду любовь Татьяны не к Онегину, а к Ленскому. Признайся Татьяна в ней Владимиру, тот и вправду, скорее всего, не стал бы драться. Об этой страсти люди, в том числе и няня, действительно, могли не догадываться. Онегин же все понял из слов Ленского, либо заключил по его поведению, либо сделал выводы, исходя из тона письма. Недаром, он потом скажет: «В вас искру нежности заметя, / Я ей поверить не посмел» [4, с. 180]. Эта нежность, как он мог подумать, была адресована недоступному Ленскому, а не ему, выступившему в качестве заместителя брата. Напомним, что и автор сомнева-

ется в адресате письма: «Татьяна! для кого ж оно?» [4, с. 61]

Но вновь возникает вопрос: как любовь Татьяны к Ленскому может «друзей соединить вновь», если Онегин ее тоже любит и ревнует? Приходится признать, что восстановление дружбы достижимо лишь в случае удовлетворения обоих, то есть признанием Татьяны, что она любит и того, и другого. Косвенными подтверждениями того, что подобная двойственность не чужда Татьяне, могут служить: двойственность определений Онегина в ее письме («ангел-хранитель» и «коварный искуситель»), двойственность ее излюбленных литературных типов (добродетельных и демонических мужчин), итоговая двойственность ее любовно-семейной ситуации («Я вас люблю (к чему лукавить?), / Но я другому отдана; / Я буду век ему верна» [4, с. 188]). Возможно, Евгений — единственный, кто догадался о двойственном чувстве Татьяны, но «обо всем молчал».

Тогда и объект недогадливости няни, разумеется, другой. О том, что «няня знать могла», мы можем судить по ее ответу на вопрос Татьяны о любви. Няня разделяет любовь и брак: «В эти лета / Мы не слышали про любовь; / А то бы согнала со света / Меня покойница свекровь» [4, с. 58]. До старушки наверняка дошли слухи, распространившиеся после визита Евгения к Лариным. Отсюда и ее сомнение, кому передавать письмо. Няне, по-видимому, не приходит в голову, что человек, за которого Татьяну сватает молва, является ее возлюбленным. Начатый няней подробный рассказ о своем замужестве не по любви, вероятно, имел целью приуготовить Татьяну к подобному повороту в ее судьбе. Слова Татьяны о влюбленности она могла отнести к Ленскому, который часто бывал у Лариных. Старушка могла знать и о разделявшем Татьяну и Владимира препятствии — их родстве. Отсюда ее испуг при виде влюбленной девушки, ведь это препятствие непреодолимо. Узнав имя адресата послания, няня, вероятно, переменила мнение об объекте страсти Татьяны, но едва ли ей пришло в голову, что Татьяна любит двоих.

Итак, проделанный нами анализ позволяет различить в составе полифонического целого пушкинского романа сюжетную линию «для публики», основывающуюся на ближайших причинно-следственных связях между изображаемыми событиями, «закадровую» сюжетную линию Ленского и Татьяны, а также сделать вывод о существовании сюжетной линии автора, которая мотивирует совмещение двух этих версий и подчеркивает авторскую субъективность, проявившуюся при расстановке сюжетных акцентов в «деревенской» истории. Последней тем самым придается объективный характер, она открывается для других прочтений, которые могут войти в полифонический фонд романа в виде новых возможных сюжетов. Таким образом, сюжетная полифония является не просто средством расширения смыслового содержания «Евгения Онегина», но и объектом изображения, одним из тематических планов пушкинского романа. Она предстает как явление, обусловленное многомерностью бытия и отражающее многообразие его творческих реализаций, а также процесс их бесконечного пополнения.

Библиографический список

1. Бочаров, С. Г. Сюжеты русской литературы / С. Г. Бочаров. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 632 с.
2. Чумаков, Ю. Н. Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассматриваний / Ю. Н. Чумаков. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 416 с.

3. Виролайнен, М. Н. Пушкинский возможный сюжет и виртуальная реальность / М. Н. Виролайнен // Пушкин в XXI веке: вопросы поэтики, онтологии, историцизма. — Новосибирск: НГУ, 2003. — С. 37–43.

4. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 6 / А. С. Пушкин. — М.: Воскресенье, 1995. — 700 с.

5. Лотман, Ю. М. Пушкин / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство — СПб., 1995. — 847 с.

6. Набоков, В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / В. В. Набоков. — М.: Интелвак, 1999. — 1008 с.

7. Барский, О. В. Сюжетная линия автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / О. В. Барский // Наука о

человеке: гуманитарные исследования. — 2013. — № 1(11). — С. 196–202.

БАРСКИЙ Олег Вадимович, кандидат филологических наук, доцент (Россия), заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин и иностранных языков.

Адрес для переписки: barsky-ol@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.07.2013 г.

© О. В. Барский

УДК 811.111.2:574

Е. В. ДЕМИШКЕВИЧ

Омский государственный
университет путей сообщения

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

В данной статье рассматриваются структурные особенности английской терминологии железнодорожного транспорта. Анализ исследуемого материала позволил выявить способы образования терминов железнодорожного транспорта.

Ключевые слова: структурные особенности, терминосоответствия, простые термины, сложные термины, фразовые терминосоответствия.

Системные связи лексических единиц устанавливаются не только на уровне семантики, но и при соотношении содержательных и формальных признаков. По мнению В. А. Татарина, структура термина связана с его семантикой, а точнее, семантика терминологической единицы чаще, чем это имеет место в общенациональной лексике, формально выражается структурными особенностями термина [1, с. 256].

Правильное понимание сущности термина, в первую очередь, связано с правильным восприятием его составных частей. В любой области терминологии с точки зрения формы можно выделить две основные группы терминов: слова (однословные моноксемные термины) и словосочетания (многословные полилексемные термины) [2, с. 121].

В ходе исследования были рассмотрены 3264 английские терминологические единицы из сферы железнодорожного транспорта, 1207 из которых образованы морфологическим способом, что составляет 37 % от общего числа исследованных терминов.

Исследование структурных особенностей английской терминологии железнодорожного транспорта осуществлялось на основе классификации, данной Л. Б. Ткачёвой, согласно которой термины делятся на простые, сложные, терминологические сочетания и сокращения.

Простые, в свою очередь, делятся на корневые, основа которых совпадает с корнем, и аффиксальные. Терминологические сочетания, как правило, анализируются по количественному и формально-грамматическому содержанию компонентов, кото-

рые находятся в составе и делятся на двух-, трёх-, многокомпонентные и фразовые.

Статистический анализ показал, что в исследуемой нами английской железнодорожной терминологии простые термины, образованные по морфологическому типу, составляют 652 или 20 % от общего количества терминов.

Термины, являющиеся корневыми лексемами, составляют 196 единиц, то есть 6 % от общего числа всей выборки.

Примерами простых корневых терминов являются: *ram* — шпалоподбойка; *gauge* — ширина колеи; *freight* — груз; *rail* — рельс; *stile* — турникет; *car* — вагон; *skate* — тормозной башмак; *lead* — стрелочная горловина; *track* — железнодорожный путь; *spring* — рессора; *tube* — метрополитен; *route* — маршрут; *bank* — уклон; *neck* — горловина; *point* — стрелка и т.д.

Число аффиксальных терминов, которые относятся к простым однословным терминам, содержащим корень и аффиксы, составляет 14 %, что соответствует 456 единицам от общего числа терминов выборки.

Нами установлено, что в образовании железнодорожных терминов участвуют следующие суффиксы существительных: *-tion /-sion*; *-ment*; *-ent /-ant*; *-ence /-ance*; *-er /-or*; *-ing*; *-age*; *-able*; *-ture*; *-y*. Наиболее продуктивными являются суффиксы:

1) *-ER /-OR* — *scrambler* — шифратор; *hopper* — хоппер; *feeder* — фидер; *trencher* — траншекопатель; *transmitter* — трансмиттер; *compactor* — стабилизатор пути; *leiter* — лейтер; *contrailer* — контрейлер;

inductor — индуктор; *distributor* — воздухораспределитель, *driver* — машинист, *connector* — коннектор, *isolator* — изолятор и т.д.;

2) -ING — *tunneling* — тоннелестроение; *mapping* — съёмка плана; *meeting* — скрещение поездов; *picketing* — пикет; *coupling* — автосцепка; *crossing* — пересечение путей сообщения; *wabbling* — виляние; *ballasting* — балласт *canting* — возвышение наружного рельса *forecasting* — прогнозирование перевозок;

3) -TION — *signalization* — сигнализация; *accommodation* — плацкарта; *transposition* — перестановка вагонов; *illumination* — освещение; *ablation* — абляция; *attestation* — насос; *traction* — тяга, *motion* — движение, *administration* — управление.

Сложные термины, которые имеют не менее двух корневых морфем, составляют 228 единиц, или 7 % от общего числа терминов и образуются по моделям: *N+N*; *prep.+N*; *V+prep.*; *prep+Ving*; *Num+N*; *A+N*.

К группе высокой степени продуктивности относятся:

— модель *N+N*, представленная 120 единицами, что составляет 3,7 % от общей выборки терминов, например, *carhouse* — вагонное депо; *defectoscope* — дефектоскоп; *water-supply* — водоснабжение; *handcar* — дрезина; *pipeline* — трубопровод; *railroad* — железная дорога; *waveform* — кривая; *cloak-room* — камера хранения; *ticket-punch* — компостер; *horse-tram* — конка; *fire-resistance* — огнестойкость; *train-pair* — пара поездов; *framework* — пролётное строение; *maintainability* — ремонтпригодность; *counter-rail* — усовик; *cross-freight* — встречные перевозки; *pay-gate* — турникет.

В группу моделей со средней степенью продуктивности вошли следующие модели *prep.+N*, *V+prep.*, *prep+Ving*:

— модель *prep.+N*, по которой образованы 39 терминов, что составляет в процентном эквиваленте 1,2 %, например, *turboliner* — турбопоезд; *turbo-charger* — турбокомпрессор; *overhead* — контактная сеть; *underground* — метрополитен; *substructure* — нижнее строение пути; *subfoundation* — насыпь; *out-sentry* — пикет; *outside* — обочина; *disconnection* — обрыв; *anti-creeper* — противоугон;

— модель *V+prep.*, по которой образовано 32 термина, что составляет 1 % от общей выборки, например, *read-out* — считывание информации; *pick-up* — адаптер; *turnover* — вагонооборот; *lay-out* — разметка; *lay-by* — запас; *lay-over* — простой; *cross-over* — съезд; *head-on* — столкновение; *turn-out* — стрелочный перевод; *make-up* — состав; *cut-off* — отсечка; *fly over* — путепровод.

К группе моделей с низкой степенью продуктивности образования сложных терминов отнесены модели *prep+Ving*:

— модель *prep+Ving*, по которой образовано 10 терминов, что составляет 0,3 % от общей выборки, например, *overlapping* — перекрыша; *unloading* — разгрузка; *reloading*, *transshipping* — перегрузка; *under-crossing* — пешеходный переход; *derailing* — сход подвижного состава;

— модель *N+A*, по которой образован один термин: *semaphore* — семафор;

— модель *N+prep.*, по которой образован один термин: *head-on* — столкновение;

— модель *V+N.*, участвующая в образовании одной терминологической единицы: *cross-sleeper* — шпала;

— модель *Num+N.*, на базе которой образован один термин: *third-rail* — контактный рельс.

Итак, формально-структурный анализ сложных терминов показал, что существуют различные модели их образования, как классические, так и специфические, не являющиеся традиционными для английского словообразования. К последним можно отнести модели третьей группы, в состав которых входят терминологические элементы, выраженные в основном предложениями.

Терминологические сочетания делятся, согласно классификации Л. Б. Ткачёвой, на связанные, свободные и фразовые. Совокупное количество всех терминологических сочетаний в нашей выборке составляет 73 %, т. е. 2382 единицы. Мы согласны с мнением Л. Б. Ткачёвой, что связанные терминологические сочетания, замена компонентов в которых невозможна без изменения целостного семантического сочетания, возникают как следствие бурного развития науки и техники, сопровождающегося увеличением и усложнением научного знания, для более точной передачи и фиксации которого используется моносемантические терминологические единицы [3, с. 40]. Эти терминологические сочетания включают в себя самую многочисленную группу, которая представлена 2239 единицами, или 94 % от общего числа терминологических сочетаний, например, *splitting point* — взрез стрелки; *isolation joint* — деформационный шов; *stock turnover* — обкатка состава; *automatic block system* — автоблокировка; *continuous welded rail* — бесстыковой путь; *local passenger service* — местное пассажирское сообщение; *track measuring truck* — путеизмерительная тележка.

Терминологические сочетания, в которых возможна замена компонентов за счёт синонимичных терминов, наименее распространены в англоязычной железнодорожной терминологии и их количество составляет 2 %, или 47 единиц от общего числа терминосочетаний, например, *freight operation* — грузовая операция; *baggage ticket* — багажная квитанция; *carriage capacity* — вместимость вагона; *freight traffic density* — грузонапряженность; *empty freight car miles* — порожний пробег вагонов; *car static load* — статическая нагрузка вагона.

Фразовые терминосочетания, где синтаксические отношения выражаются с помощью предлогов и союзов, составляют 4 %, что эквивалентно 95 единицам от общего числа терминологических сочетаний, например, *power factor of electric stock* — коэффициент мощности ЭПС; *running test of rolling stock* — обкатка подвижного состава; *railway day and night* — железнодорожные сутки; *crossing of lines* — пересечение путей сообщения, *full-scale test of electric rolling stock* — комплексные испытания ЭПС, *abrading action of overhead line* — износ контактного провода, *set of wheels* — колёсная пара.

Исследуя состав терминологических сочетаний, количество которых составляет 2382 единицы, мы определили компонентность и модели образования этих единиц в английской железнодорожной терминологии.

Самой многочисленной является группа двухкомпонентных терминологических сочетаний, она насчитывает 1394 единицы, или 61 % от числа всех связанных и свободных терминологических сочетаний нашей выборки. Основными грамматическими моделями образования терминологических сочетаний стали:

— модель *N+N*, по которой образовано 892 терминологические единицы, что составляет 64 % от всех двухкомпонентных терминологических сочетаний,

например: *baggage ticket* — багажная квитанция; *luggage office* — багажная касса; *pipe canal* — дюкер; *ground signal* — карликовый светофор; *monkey pile* — копёр; *rail tongue* — остряк; *exit route* — отправительский маршрут; *anchor span* — анкерный пролёт; *car truck* — вагонная тележка; *speed control* — контроль скорости поезда. Сложное существительное может являться определяющим словом. В представленной выборке таких терминологических сочетаний 142 единицы. Так, например: *pre-track road* — притрассовая автомобильная дорога; *heavy-tonnage train* — тяжеловесный поезд; *hot-metal car* — чугуновоз; *in-tunnel construction* — притоннельное сооружение; *train-to-train margin* — межпоездной интервал; *check-balance platform* — контрольно-весовая платформа; *short-distance traffic* — короткобежные перевозки; *short-radius curve* — кривые малых радиусов; *foot-plate staff* — локомотивная бригада; *head-on collision* — столкновение подвижного состава; *narrow-gauge railway* — узкоколейная железная дорога. Также разновидностью модели $N+N$ мы считаем модель $N's+N$, таких единиц в нашей выборке восемь: *platelayer's truck* — путевая тележка; *driver's controller* — кран машиниста; *guard's trip* — турная езда; *driver's cabin* — кабина машиниста; *pointsman's box* — стрелочный пост;

— модель $Ving+N$, по которой образовано 239 единиц, что составляет 17 % от общего числа двухкомпонентных терминосочетаний, например, *loading gage* — габарит погрузки; *humping signal* — горочный светофор; *deseaming machine* — градо-сниматель; *working capacity* — грузонапряжённость; *rolling stock* — подвижной состав; *supporting structure* — несущие конструкции; *cooling apparatus* — охлаждающее устройство; *protecting wall* — подпорная стенка; *trailing point* — противощерстная стрелка; *accelerating resistor* — пусковой резистор; *running light* — резервный пробег; *holding signal* — светофор прикрытия; *braking effort* — тормозное нажатие; *ticket-issuing machine* — билетопечатающая машина; *working capital* — оборотные средства; *separating switch* — разъединитель;

— модель $A+N$, которая представлена 155 единицами, что составляет 11 % от всех двухкомпонентных сочетаний, например: *dead end* — буфер; *aerial cross-over* — воздушная стрелка; *advance signal* — выходной светофор; *electric locomotive* — электро-воз; *permanent way* — верхнее строение пути; *dependent waveform* — зависимые кривые; *conductive earth* — защитное заземление; *informative communication* — информационная связь; *cathodic protection* — катодная защита; *local behaviour* — местная работа; *dynamic brake* — рессорное подвешивание; *central station* — узловая станция; *strenuous movement* — напряжённый ход трассы; *irrational traffic* — нерациональные перевозки;

— модель $N+Ving$, по которой образованы 72 терминоединицы, что составляет 5 %, например, *car pumping* — колебания вагона; *train humping* — надрыв состава; *train splitting* — расформирование состава; *train crossing* — скрещение поездов; *gate crossing* — шлагбаум; *wheel sliding* — юз; *cars tightening* — подтягивание вагонов; *carriage servicing* — экипировка вагона. Кроме вышеперечисленных моделей нами выявлены модели с низкой продуктивностью, по которым образовано небольшое количество терминосочетаний. К ним относятся:

— модель $A+Ving$, на основе которой образовано 14 терминосочетаний или 1 %, а именно, *automatic coupling* — автосцепка; *automatic switching* — гороч-

ная автоматическая; *parallel detaching* — параллельный роспуск; *journal packing* — польстер; *regenerative-rheostatic braking* — рекуперативно-реостатное торможение; *regenerative braking* — рекуперативное торможение; *dynamic braking* — реостатное торможение; *statistical reporting* — статистическая отчётность; *constructive strengthening* — усиление искусственных сооружений; *automatic switching* — централизация автоматическая горочная; *electric interlocking* — электрическая централизация;

— модель $PII+N$, по которой образовано 14 единиц, или 1 % от всех двухкомпонентных терминологических сочетаний, например, *fixed datum* — база экипажа; *mounted wheels* — колёсная пара; *refrigerated wagon* — изотермический вагон; *self-contained accomodation* — комплексное распределительное устройство; *isolated switch* — разъединитель; *step-shaped route* — ступенчатый маршрут; *elevated structure* — эстакада;

— модель $Ving+Ving$ представлена восьмью единицами, например, *coding interlocking* — кодовая централизация; *shunting running* — маневровый рейс; *passing siding* — приёмно-отправочный путь; *sorting siding* — сортировочный путь;

— модель $Prep+N$, по которой образованы следующие терминосочетания: *through bridge* — путепровод; *through traffic* — транзитные перевозки;

— модель $Num+Ving$, также представленная терминосочетанием: *1.5" tubing* — полуторка.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что среди моделей образования связанных и свободных двухкомпонентных терминосочетаний наиболее продуктивными являются модели $N+N$, $Ving+N$ и $A+N$, по которым образовано соответственно 64 %, 17 % и 11% от их общего числа.

Следующей группой терминологических сочетаний связанного и свободного типов по количеству компонентов является группа трёхкомпонентных сочетаний, которая насчитывает 663 терминоединицы, что соответствует 29 % от числа всех связанных и свободных терминосочетаний нашей выборки английской железнодорожной терминологии. Среди трёхкомпонентных терминологических сочетаний были выявлены следующие грамматические модели образования:

— модель $N+N+N$, к которой относятся 230 терминоединиц, что составляет 34 % от числа всех связанных и свободных трёхкомпонентных терминозаглавий, например, *two-phase power system* — двухфазная система питания; *route storage arrangement* — маршрутный накопитель; *body noise insulation* — шумоизоляция кузова; *pipeline passenger transport* — трубопроводный пассажирский; *railway freight office* — товарная контора; *power supply scarf* — стыкование систем электроснабжения; *contact wire dropper* — струна контактной подвески; *converter station clusters* — станция стыкования; *cargo delivery period* — срок доставки грузов; *classification yard line* — сортировочный путь; *speed passenger line* — скоростная пассажирская линия; *railway power line* — рельсовая линия; *locomotive design weight* — расчётный вес локомотива; *safety stop signal* — заградительный светофор;

— модель $A+N+N$, к которой относятся 181, или 27 % терминологических сочетаний, относящихся к трёхкомпонентным, например, *automatic train operation* — автоведение; *vertical easement curve* — вертикальная сопрягающая прямая; *local passenger service* — местное пассажирское сообщение; *movable span bridge* — разводной мост; *adhesive loco-*

tive weight — сцепной вес локомотива; *average trip distance* — средняя дальность поездки; *electric train sectionalization* — секционирование электропоезда; *local passenger service* — местное пассажирское сообщение;

— модель $N+Ving+N$, по которой образованы 155 терминосочетаний, что составляет 23 % от общего числа свободных и связных трёхкомпонентных терминосочетаний, например, *car dumping machine* — вагоноопрокидыватель; *track measuring truck* — путеизмерительная тележка; *safe stopping distance* — тормозной путь; *tie tamping machine* — шпалоподбивочная машина; *train working motion* — рабочее движение поезда; *track laying machine* — путеукладчик; *cargo handling division* — дистанция погрузочно-разгрузочных работ; *route indicating signal* — маршрутный указатель;

— модель $PII+N+N$, к которой относятся 67, или 10 % терминосочетаний, например, *insulated rail joint* — изолирующий стык; *wheeled motor canton* — колёсно-моторный блок; *dead-ended unit substation* — тупиковая типовая подстанция; *unitized loads transportation* — пакетные перевозки; *specialized railway station* — специализированная железнодорожная станция;

— модель $A+PII+N$, к которой относятся пять, или 0, 6 % терминосочетаний: *continuous welded rail* — бесстыковой путь; *electrical centralized control* — электрическая централизация; *station estimated capacity* — перерабатывающая способность станции;

— модель $N+N+Ving$, по которой образованы 7 или 1 % терминосочетаний: *emergency track patrolling* — временный обход; *rectification track grading* — спрямлённый профиль пути; *road service rating* — режим поездной работы; *bridge construction engineering* — мостостроение;

— модель $A+Adj+N$, по которой образовано семь, или 1 % терминосочетаний: *average daily mileage* — среднесуточный пробег; *average daily production* — среднесуточная производительность; *average daily mileage, average daily run* — среднесуточный пробег; *average trip distance* — средняя дальность поездки;

— модель $A+V+N$, по которой образовано семь или 1 % терминосочетаний: *automatic load transfer* — автоматическое включение резерва; *false brake controller* — кран вспомогательного тормоза; *hydraulic drive locomotive* — гидравлическая передача теплового; *electric remote signaling* — телесигнализация в системе электроснабжения;

— модель $V+N+N$, по которой образовано четыре терминосочетания, что составляет 0, 6 %: *brake shoe holder* — тормозной башмак; *heat pump unit* — тепловой насос; *brake control valve* — воздухораспределитель.

Таким образом, из девяти моделей образования трёхкомпонентных терминологических сочетаний, определённых нами, самыми продуктивными являются: $N+N+N$; $A+N+N$; $N+Ving+N$, по которым строится 34 %; 27 %; 23 % терминосочетаний соответственно.

Кроме двухкомпонентных и трёхкомпонентных терминологических сочетаний связного и свободного типов в нашей выборке выявлены четырёхкомпонентные терминосочетания, которые составляют 238, или 10 % от числа всех терминосочетаний, например, *empty freight car miles* — порожний пробег вагонов; *hot box detection device* — сигнализация

контроля нагрева букс; *angular car traffic volume* — угловой вагонопоток; *telemechanical railroad engine control* — телемеханическое управление локомотивами.

Нами выделено восемь моделей образования четырёхкомпонентных терминологических сочетаний связного и свободного типов. Самыми продуктивными являются модели $A+N+N+N$; $N+N+N+N$, по которым образуются 53 % и 42 % терминологических сочетаний соответственно.

Структурный анализ показал, что в нашей выборке существуют два пятикомпонентных терминологических сочетания, что составляет 0,1 % от общего числа терминосочетаний связного и свободного типов: *double release plate electrical switch* — коммутационный аппарат; *freight cars turnover wagon traffic* — вагонооборот.

Таким образом, формально-структурный анализ терминосочетаний связного и свободного типов позволил нам определить максимально содержащееся в них количество компонентов, которое, по нашим подсчётам, равно пяти в английской железнодорожной терминологии.

К особой группе терминологических сочетаний в английской железнодорожной терминологии можно отнести сочетания фразового типа. Их количество составляет 95 терминосочетаний, или 4 % от числа всех терминосочетаний нашей выборки. Количество компонентов варьируется от двух до шести, например, *signal on post* — мачтовый светофор; *train safety in operation* — безопасность движения; *engine track to engine house* — депоовские пути; *impedance bond with secondary winding* — дроссель-трансформатор; *headway between consecutive trains* — станционный интервал; *guy rod in tension* — струна контактной подвески.

Таким образом, можно сказать, что фразовые терминосочетания в данной выборке немногочисленны, что связано с экстралингвистическими факторами, такими как ускорение взаимобмена научной информацией, достижения взаимопонимания, стремление дать больше информации за более короткий срок. Структурный анализ показал, что для исследуемой терминологии характерны все способы образования, но большую часть составляют двухкомпонентные терминологические сочетания.

Библиографический список

1. Татарин, В. А. Теория терминоведения. В 2 т. Т. 1. Теория термина: История и современное состояние / В. А. Татарин. — М.: Московский лицей. 1996. — 321 с.
2. Гринёв-Гриневиц, С. В. Терминоведение: учеб. пособие / С. В. Гринёв-Гриневиц. — М.: Академия. 2008. — 304 с.
3. Ткачёва, Л. Б. Экстралингвистическая обусловленность лингвистических процессов в терминологии / Л. Б. Ткачёва // Отраслевая терминология и её экстралингвистическая обусловленность. — Воронеж: ВГУ, 1986. — С. 3–14.

ДЕМИШКЕВИЧ Елена Владимировна, старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков.

Адрес для переписки: demishkevich_ev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.04.2013 г.

© Е. В. Демишкевич

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КАТЕГОРИЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В статье обосновывается статус категоричности как семантико-прагматической категории. Аргументируется необходимость изучения категоричности высказывания в контексте положений современной лингвистической семантики и прагматики.

Ключевые слова: высказывание, категоричность, семантико-прагматическая категория.

Феномен категоричности высказывания относится к сфере интересов лингвистической семантики и прагматики: первая ориентирована на значимые языковые знаки, участвующие в ее создании, вторая — на функционирование этих знаков в речи, на речевое взаимодействие говорящего и адресата в различных ситуациях общения.

Категоричность связана с когнитивной деятельностью человека, которая находит свое системное отражение в языке и речи. Это дает основание квалифицировать категоричность как семантическую категорию. В то же время категоричность имеет прагматическую природу: своим существованием она обязана экстралингвистическим факторам: говорящему, его интенциям, отношению к предмету разговора и т.д. — всему, что в совокупности называется ситуацией общения. Последнее положение дает основание говорить о категоричности как о категории прагматики.

Иными словами, категоричность высказывания вбирает в себя характеристики как семантической, так и прагматической категории: к семантическим категориям традиционно относят категории, находящиеся «в сфере отношений между знаками и тем, что они обозначают»; к прагматическим категориям — те категории, которые находятся «в сфере отношений между знаками и теми, кто ими пользуется» [1, с. 1].

Таким образом, категоричность можно интерпретировать как семантико-прагматическую категорию, поскольку она связана как с содержанием языковых знаков, так и с выбором этих знаков говорящим и восприятием их адресатом в соответствии с ситуацией, в которой осуществляется речевое взаимодействие.

Взгляд на категорию категоричности с семантической и прагматической точек зрения, взаимодополняющих друг друга, позволяет исследовать данный феномен комплексно: как через призму его объективации в языке, так и с позиции его первопричины — тех экстралингвистических факторов, которые его порождают.

По мнению Е. В. Падучевой, необходимость изучения категоричности в рамках семантико-прагматического подхода обуславливается тем, что она занимает одно из первостепенных мест в работе социального аспекта коммуникативной функции, а лингвопрагматика является сейчас уже оформившейся сферой лингвистики с большой научной базой данных и адекватным интерпретированием

законов, составляющих фундамент поведения говорящих в коммуникативном акте [2, с. 218 – 219].

И. Гоффман отмечает, что «категория категоричности высказывания, являясь частью парадигмы коммуникативных отношений, которая представляет собой определенный набор норм и правил, принятых в том или ином социуме, соотносится с понятиями «негативное (индивидуальное) лицо» и «позитивное (общественное) лицо» [3, с. 5]. В семантико-прагматических теориях вежливости индивидуальное лицо соотносится с желанием собеседника выступать в качестве субъективной личности. Лицо общественное, напротив, соотносится с желанием индивида быть частью социума, следовательно установленным в нем нормам и правилам, получать одобрение и поддержку со стороны других членов общества [4, с. 63; 5, с. 153]. Иными словами, общественное лицо — это «позитивная социальная ценность, которую каждый утверждает в процессе коммуникации с другими и которая принимается остальными» [3, с. 306].

П. Браун и С. Левинсон описали понятие «акт, угрожающий лицу» и определили стратегии позитивной и негативной вежливости. Из их теории сохранения лица, предлагающей набор речевых стратегий, тактик и средств реализации принципа вежливости, следует, что категория категоричности высказывания взаимодействует с принципом вежливости [6, с. 82] и принципом кооперации [7, с. 222] в двух противоположных направлениях: с одной стороны, возможно нарушение названных принципов (категоричность), а с другой — следование этим принципам (некатегоричность). Таким образом, категория категоричности предстает как оппозитивная структура [4, с. 66 – 74].

Согласно Толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой *категорический (категоричный)* означает «ясный», «безусловный», «решительный» [8, с. 269]. В Толковом словаре английского языка даются следующие определения: «безусловный», «абсолютный», «обстоятельный», «четко и ясно выраженный» [9]. В данных значениях категоричность высказывания может трактоваться в научной среде, где зачастую говорится об общепризнанных истинах аксиоматического типа, практически не требующих доказательств. Это касается ситуаций, когда говорящий обладает полностью проверенными данными, принимающимися за исходные положения.

В свою очередь, некатегоричность высказывания связана с сомнениями, неуверенностью говорящего,

недостаточной достоверностью излагаемых фактов, в связи с чем говорящий не склонен к однозначному выражению своего мнения. *Некатегорический* (*некатегоричный*) как оппозитивный термин означает «неоднозначный», «неопределенный», «неточный».

В обыденной разговорной речи, для которой характерна субъективность, как правило, все относительно. В ней не встречаются абсолютные суждения, ибо достоверность — категория неустойчивая, а объективная истина всегда содержит момент частичной достоверности. Поэтому категорические высказывания зачастую вступают в конфликт с законами логики.

Категоричность/некатегоричность высказывания с семантико-прагматической точки зрения определяется как категория, связанная с догматичностью, безапелляционностью, чрезмерной уверенностью говорящего в своих знаниях, тогда как некатегоричность связывается с заботой об интересах собеседника, осторожностью, предусмотрительностью, стремлением говорящего избежать коммуникативных сбоев.

Некатегоричность высказывания показывает, что говорящий преподносит свою точку зрения максимально толерантно и вежливо по отношению к собеседнику. Категоричность же, наоборот, говорит о догматичности и неоспоримости мнения субъекта речи, о пренебрежении мнением собеседника.

Прагматический аспект изучения категории категоричности сформировался с опорой на совокупность экстралингвистических признаков, описывающих ту или иную коммуникативную ситуацию. Основными из них являются статусно-ролевые отношения коммуникантов, социально-психологическая дистанция между ними и тональность общения.

Семантический аспект исследования данной категории, необходимый для выявления ее концептуального содержания сложного по своему характеру, предопределил в ряде работ выбор полевого подхода к её описанию.

Как отмечают многие ученые (Е. Ф. Тарасова, Л. В. Топка, Г. С. Щур, А. В. Бондарко и др.), структура семантического поля имеет ядерную и периферийную зоны. Ядерная зона представлена семантически доминирующим признаком, находящимся «как бы на вершине иерархии» [10, с. 21], присутствующим в семантике всех компонентов семантического поля и наиболее полно отражающим его особенности. Периферийная зона состоит из набора семантически неоднородных признаков, отражающих особенности конкретных семантических зон, описывающих план содержания данного поля [11, с. 111–116].

Категоричность высказывания имеет свое языковое (семантическое) содержание, которое, по определению А. В. Бондарко, есть «мыслительное (понятийное, смысловое) в своей основе содержание» [10, с. 20–35]. А это значит, что категоричность необходимо рассматривать с семантической точки зрения, выявляя ее смысловые компоненты. Перспективным представляется тактико-стратегический ситуативный подход к пониманию категоричности. Данный подход базируется на понятии семантической доли, понимаемой как неделимый (на данном уровне абстракции) смысл, который входит как часть в иной, объединяющий смысл. В принципе, любая поведенческая ситуация представляет собой абстрактное семантическое поле, которое состоит из конкретного набора тактик и стратегий (семантических долей) [12, с. 15–67].

В зависимости от характеристик коммуникативной ситуации, ее участников, а также от характера их взаимоотношений одни ученые различают категоричные и некатегоричные речевые акты [13, с. 69–75; 14, с. 10], другие — прескриптивы, реквестивы и суггестивы [15, с. 15–16; 7, с. 26]. К прескриптивам относятся запрещение, разрешение, требование, упрек, указание. Реквестивы включают просьбу, мольбу, приглашение, а суггестивы — совет, предложение. Во всех речевых актах могут использоваться языковые средства, повышающие или понижающие степень категоричности высказывания.

Согласно концепции Дж. Остина, речевой акт состоит из нескольких компонентов. Во-первых, это произнесение членораздельной фразы, звуки которой соответствуют общепринятому языковому коду. Во-вторых, построение высказывания из слов данного языка с учетом его грамматических правил. В-третьих, соотнесение высказывания с действительностью, то есть наполнение его смыслом и референцией, а следовательно, осуществление собственно речения (локуции). Следующими компонентами являются целенаправленность высказывания (иллокуция) и его перлокутивный эффект [16, с. 22–130].

Категоричность как семантико-прагматический феномен можно рассматривать, с одной стороны, как один из иллокутивных компонентов высказывания (в том смысле, что говорящий целенаправленно выражает свою мысль более или менее категорично, используя при этом «нужные» языковые средства), с другой — как ту сущность, которая способна определять перлокутивный эффект высказывания (от степени категоричности суждения в определенной ситуации общения зависит успешность коммуникативного сотрудничества).

Стремясь осуществить свою цель, говорящий, как правило, пытается предугадать реакцию адресата, которая во многом зависит от степени категоричности высказываемого. Именно поэтому субъект речи в разной степени осознанно выбирает те языковые (и параязыковые) средства, которые способствуют достижению его цели и реакции адресата, адекватной замыслу говорящего. В этом смысле категоричность высказывания имеет отношение к иллокуции. Однако не стоит забывать о совокупности целей (намерений) говорящего. Как правило, основные цели соседствуют с дополнительными, и именно дополнительные руководят перлокуцией. Представим ситуацию, когда говорящий отрицательно оценивает действие собеседника. Кроме основной цели — выразить эту оценку, говорящий не забывает и про дополнительную — выразить эту оценку так, чтобы адресат воспринял ее с минимальным ущербом для коммуникативного сотрудничества, а именно — не обиделся и не прекратил диалогического общения, прервав коммуникативный акт, а учел высказанное мнение и, в конечном счете, исправил положение дел. С целью ненанесения коммуникативной травмы говорящий снижает степень категоричности своей оценки, выбирая соответствующие языковые (и параязыковые) средства. Иными словами, категоричность, как уже отмечалось, ориентирована на перлокутивный эффект.

Прагматическая функция любого высказывания заключается в воздействии на адресата, которое, в свою очередь, предполагает необходимость соблюдения общепринятых принципов коммуникативного кодекса: принципа кооперации [7, с. 222] и принципа вежливости [6, с. 82]. Реализация этих принципов в речи во многом связана с умением го-

ворящего снижать категоричность высказывания за счет использования соответствующих языковых средств.

Таким образом, категоричность высказывания должна изучаться в двух взаимосвязанных аспектах — семантическом и прагматическом: семантика категоричности ориентирована на выявление языковых знаков, способствующих повышению или понижению категоричности суждения; прагматика — на определение и описание тех ситуативных факторов, которые обуславливают степень категоричности высказывания.

Библиографический список

1. Анищенко И. Г., Вагин В. Н. Понятие знака в науке и искусстве [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.raai.org/about/persons/vagin/pages/znak.doc> (дата обращения: 24.06.2013).
2. Падучева, Е. В. Семантические исследования / Е. В. Падучева. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 464 с.
3. Goffman, E. On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction / E. Goffman // *Psychiatry: Journal of Interpersonal Relations* 18:3 (1955). 213–231 rpt. in: *Interaction Ritual*. — 320 p.
4. Brown, Penelope. Universals in Language Use: Politeness Phenomena / Penelope Brown and Stephen Levinson // *Questions and Politeness Strategies in Social Interaction*, ed. Esther N. Goffman. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1978(1987). — P. 56–310.
5. Yule, G. *Pragmatics* / G. Yule. — Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. — 250 p.
6. Leech, G. N. *Principles of Pragmatics* / G. N. Leech. L., 1983. — 250 p.
7. Грайс, Г. П. Логика речевого общения / Г. П. Грайс // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика*. — М.: Прогресс, 1985. — С. 217–238.

8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд. — М.: АЗЪ, 1997. — 944 с.

9. CALDT - Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press [Электронный ресурс]. — URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/> (дата обращения: 24.06.13).

10. Бондарко, А. В. К теории поля в грамматике: залог и залоговость (на материале русского языка) / А. В. Бондаренко // *Вопросы языкознания*. — 1972. — № 3. — С. 20–35.

11. Топка, Л. В. Речеповеденческая ситуация: универсальное и этноспецифическое / Л. В. Топка // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология*. — 2009. — № 2 (6). — С. 111–116.

12. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М.: Русский язык, 1980. — 320 с.

13. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.

14. Карандеева, Л. Г. Ситуативно обусловленная вариативность просодических характеристик директивных иллокутивов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. Г. Карандеева. — Тамбов, 2006. — 25 с.

15. Беляева, Е. И. Грамматика и прагматика побуждения / Е. И. Беляева. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. — 168 с.

16. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // *Новое в зарубежной лингвистике*. — 1986. — Вып. 17. Теория речевых актов. — С. 22–130.

МАЛЫШКИН Константин Юрьевич, ассистент кафедры русского языка как иностранного, соискатель по кафедре русского языка и лингводидактики. Адрес для переписки: flashbackostya@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.07.2013 г.

© К. Ю. Малышкин

УДК 821.161.1

К. А. ОЖЕРЕЛЬЕВ

Омский государственный педагогический университет

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛИРИКИ К. С. АКСАКОВА 1840–1850-х гг.

В статье раскрываются художественные особенности гражданской поэзии К. С. Аксакова, получившей плодотворное развитие после 1840 г. В работе показана генетическая связь поздней лирики Аксакова с социально-политическими и эстетическими концепциями славянофилов, раскрыты близость творческого мировоззрения поэта художественным исканиям современников (Ф. И. Тютчева, Н. М. Языкова, А. С. Хомякова) и полемика с ними. Статья адресована студентам и специалистам в области русской поэзии XIX в.

Ключевые слова: лирика, поэты-славянофилы, поэтика, литературная полемика, гражданская поэзия.

Гражданская поэзия К. С. Аксакова (1817–1860) занимает важное место в историко-литературном процессе XIX в. Лирическое наследие славянофила стало предметом научного изучения таких видных отечественных литературоведов, как А. Н. Пыпин, С. А. Венгеров, С. И. Машинский, В. И. Кулешов,

Г. В. Косяков, М. П. Лобанов. В частности, Г. В. Косяков изучает художественную картину мира братьев Аксаковых: «Если К. Аксаков в поэзии ищет слияния с природным миром, то лирический субъект И. Аксакова нацелен на духовное самоуглубление, молчание...» [1, с. 44]. В этой связи изучение поэзии

К. С. Аксакова представляет бесспорный литературоведческий интерес.

В литературном процессе к началу 1840-х гг. на первый план выдвигается эпический род литературы. В русской поэзии в контексте литературной полемики между представителями «чистого искусства» и гражданской поэзии ведется напряженный поиск новых тем, эстетических принципов, художественного языка. Постепенно преодолевается жанровый характер мышления, намечается тенденция к сближению стихотворной и прозаической речи. Поэтический стиль К. С. Аксакова 1840–1850-х гг. эволюционирует в сторону реализма, сохраняя в то же время специфическую аллегоричность и метафорику. Его отличают близость к разговорной речи, ориентация на звучащее слово, ораторский характер слога, манифестация собственно славянофильских идеологических и историко-культурных концепций.

В послании «А. Н. Попову» (1842) Аксаков преодолевает свое прежнее апологетическое отношение к немецкой культуре и общественной жизни. В ранней лирике К. С. Аксакова Германия представляла как квинтэссенция западноевропейской духовности. Так, в стихотворении «Путь» (1835) славянофил вспоминает, что всегда считал Германию страной с высокой философской культурой:

И часто я к стране избранной
Летел воздушною мечтой [2, с. 312].

Напутствуя товарища перед его поездкой в Германию, лирический герой проводит характерное для славянофилов разграничение Востока (Русь, Москва) и Запада (Германия, Берлин). Художественные определения и характеристики, используемые Аксаковым для описания разных культурных миров, помогают восстановить оригинальную славянофильскую поэтическую концептосферу Руси и Германии. Например, в образе «Родной Руси» сфокусированы следующие самобытные признаки: «приволье и пространство», «младая, девственная краса», «живой наряд и убранство», «надежда», «вера», «Москва», «Кремль», «кресты и главы золотые», «колокола». «Жизни полная Москва» противопоставлена «ложному виду» германской столицы. Берлин представлен славянофилом как город имитации, повсеместного делячества, лицемерия и эгоцентризма:

И крик и брань в стране возникли той,
Движенье там и шумно и нестройно [2, с. 380].

Неспособность современной Германии предложить новые великие идеи миру, ее «сила разрушения» привели к кризису культуры, гуманизма, в связи с чем возникает образ «толпы пигмеев». Напротив, Русь, олицетворяющая собой гармонию и единство природных просторов и широты человеческого духа, является единственной культурной альтернативой западноевропейской цивилизации. Образ Москвы как исконно русской (в противовес С.-Петербургу) столицы рассматривается в синтезе с понятиями «надежды», «веры» и «жизни». Финал послания представляет собой пожелание другу не забывать родной край и помнить о подлинном духовном центре мира — России (Руси).

В другом послании «Н. М. Языкову (Ответ)» (1844) К. С. Аксаков откликается на известное посвящение Н. М. Языкова «Константину Аксакову», в котором русский поэт, близкий славянофилам,

высоко оценивая Аксакова, тем не менее ставит ему в укор некоторые уступки идейным противникам. Оба послания написаны одинаковым стихотворным размером — четырехстопным ямбом, близким к разговорной речи. К. С. Аксаков, используя оксюморон, тонко определяет посвящение Языкова как «дружелюбный укор». Славянофил опровергает мнение Языкова об излишней своей открытости оппонентам. Аксаков выбирает интонацию дружеской полемики с Языковым:

Нигде и ни в какое время
Тому руки я не подам,
Кто чтит тот град, народа бремя,
Всея России стыд и срам [2, с. 383].

К. С. Аксаков использует характерную для славянофилов оппозицию «Москва — С.-Петербург». Западников Аксаков сравнивает с червями, а город на Неве обозначает как «столицу грязи». В послании Н. М. Языкова образ С.-Петербурга вызывает ассоциации с блудницей Вавилонской:

А мать русских городов,
Сменить на пышную блудницу
На Вавилонскую готов! [3, с. 623].

С западниками в произведении Языкова связываются такие оценочные понятия, как «гордая наука», «торжествующая ложь», «немецчина лукавая». «Не наш», в понимании Н. М. Языкова, — это «блистательный лакей». Западники, согласно такому толкованию, не желают знать «истину святую» своего Отечества и находят успокоение в искусственно созданном мире внешней подражательности и культурного эпитонства.

В произведении К. С. Аксакова идейные споры тем не менее не умаляют добродетелей и чести оппонентов. Аксаков, обращаясь к Языкову, призывает последнего достойно отнестись к врагу, который честен и непреклонно отстаивает свою правду, даже если она чужда русскому поэту:

Но пусть и в разъяренной сече
Ты чтись достойного врага [2, с. 384].

Славянофил отмечает, что уважение к врагу имеет давнюю традицию в истории человечества, приводя в пример полубогатых героев «Илиады» — ликийца Главка, бившегося за Троию, и грека Диомеда. Эти воины обмениваются оружием на поле брани, вспомнив, что их предки были дружны и завещали им жить в мире. Проведенная К. С. Аксаковым параллель акцентирует наличие у враждующих славянофилов и западников основы для примирения, а именно — принадлежности к русскому народу, родной культуре, общим предкам, завещавшим мир и согласие.

В сатирическом памфлете «Союзникам» (1844), распространявшемся в списках, К. С. Аксаковым выведены конкретные современники поэта, в нужный для себя момент демонстрировавшие показную преданность России. Лирический герой с первых строк подчеркивает различия между истинными патриотами, причисляя к ним славянофилов, и сторонниками теории официальной народности:

Не за одно стоим мы дело;
Вы чужды и противны нам [2, с. 384].

Под «озлобленным мордвином» в памфлете подразумевается известный чиновник, реакционер, мемуарист Ф. Ф. Вигель, известный своими доносами на Т. Н. Грановского, П. Я. Чаадаева, Н. М. Языкова. В образе «писателя запоздалого» выведен поэт М. А. Дмитриев, резко критиковавший В. Г. Белинского. А упоминание в тексте наемного французского кондотьера Ж. Маржерета символично в связи с его предательством: вначале воевавший в русской армии французский авантюрист перешел затем на сторону самозванца Лжедмитрия I.

Славянофил дает псевдопатриотам следующие оценки: «разъяренный», «тревожный», «злой и мстительный народ». Средством сатирического разоблачения в памфлете К. С. Аксакова является антитеза: истинно народный «голос смелый и прямой» противопоставлен «злобному шипенью» мнимых заступников русского народа и православной культуры. Сторонников официального патриотизма славянофил именует «союзниками гнилыми». Название послания-памфлета имеет подчеркнуто саркастическое звучание.

Посвящение К. С. Аксакова «Москве» (1845) развивает славянофильскую концепцию Москвы как истинной духовной столицы православия, России и всего человечества. Столица России замкнула великую историческую триаду «Константинополь — Киев — Москва». Автор воплощает художественный образ соборного города, тождественного всей России:

И всю Россию называют
Великим именем твоим [2, с. 385].

В лирике А. С. Хомякова образы Киева и Москвы также занимают значимое место. В художественном мире славянофила Киев — «русской славы колыбель», «чудный град», наследующий византийскую духовную традицию и объединяющий все русские земли («Киев», 1839). Повторяя горькую участь Константинополя, столица Киевской Руси пала в открытом сражении, предварительно проиграв метафизическую битву. Соблазненность Киева неизменным блеском, внешней мишурой и стремление подражать Польше предопределили собственно военное поражение. Хомяков акцентирует внимание на внешнем и внутреннем характере измены Киева, говоря об отсутствии верных воинов, сынов Воыни, Галича:

Их сманили, их пленили
Польши шумные пиры [4, с. 226].

В стихотворении «Кремлевская заутреня на Пасху» (1849) Хомяков создает оригинальную метафорическую картину предутренней Москвы: облаченная в «ризу ночную», столица смиренно ждет «часа святого». Пасхальное таинство, символизирующее воскресение и вечную жизнь во Христе, переосмысляются Хомяковым как возрождение былого величия Москвы. Торжественный глас, возвещающий победу над смертью Спасителя, звучит также гимном неизбежному возвращению России к Москве как центру православного мира:

Он с высоты нам песнь одну поет —
Свободы песнь, песнь конченного плена! [4, с. 244].

В лирике К. С. Аксакова Москва неразрывно связана с понятиями «древней славы», «святого имени»,

«необъятной страны», «великого имени», «страны родной», «царственной власти». В образе Москвы как последнего оплота христианства и сакрального центра «земли» сконцентрирована мысль славянофила о мессианской роли древней столицы.

Славянофил вновь заостряет проблему культурной оппозиции Москвы и С.-Петербурга. Естественный ход истории, по мнению К. С. Аксакова, был нарушен, когда «воздвигся гордо город новый». Русский поэт считает перемещение столицы в С.-Петербург ошибкой, которая чревата гибельным исходом. Однако стоит отметить отсутствие единства по данному вопросу в среде славянофилов и близких им поэтов. Если для А. С. Хомякова и К. С. Аксакова типичны идеализация допетербургского периода русской истории, воспевание старинных городов (Новгород, Киев) и ценностная антитеза Москвы и С.-Петербурга, то в лирике Ф. И. Тютчева развивается мысль о закономерном единстве всей отечественной истории. Так, в небольшом лирическом тексте «Русская география» (1848 — 1849) Тютчев признает роль Москвы и С.-Петербурга как равновеликих столиц Руси — России в наследовании византийского пути:

Москва и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы... [5, с. 286].

В послании «Поэту-укорителю» (1845) К. С. Аксаков полемизирует с А. С. Хомяковым, откликаясь на его стихотворение «Не говорите: «то былое...» (1845). Оба текста написаны четырехстопным ямбом. Хомяков с не свойственной для славянофильской лирики интонацией тотального самоосуждения обличает всю русскую историю за ее непоследовательность и беспечное отношение к своему будущему. Он призывает русский народ к беспощадному покаянию за прошлые преступления и ошибки:

Молитесь, кайтесь, к небу длани!
За все грехи былых времен [4, с. 239].

К. С. Аксаков саркастически называет гневную проповедь Хомякова «подвигом покаянья». Однокоренные поэтические лексемы «гордо», «гордый», традиционно связанные с изображением западников, Аксаков сознательно применяет по отношению к славянофилам. Так, поэтическая сатира Хомякова охарактеризована Аксаковым как недопустимое («гордое») самовозвеличение над народом.

К. С. Аксаков видит для России серьезную опасность в покаянии ради покаяния, которое часто бралось на вооружение врагами и «клеветниками России» как средство сокрушения русского национального духа. Хомяков, по мнению Аксакова, необдуманно стирает границу между конкретными историческими ошибками России и самим феноменом Руси, который при неумном покаянии и порицании может быть необратимо разрушен. Поскольку Хомяков видит в исторической судьбе России и русском народе некое клеймо, концентрацию обреченности и предательства, Аксаков считает своим долгом уточнить начало несчастий Отечества. Главным грехом для своего поколения К. С. Аксаков видит «постыдную измену» своему пути, отступление от исторической миссии Руси. В послании эксплицитно проявлены точные исторические приметы времени, когда страна совершила ошибочный выбор:

То — жалкий лепет слов чужих,
То — равнодушие, презренье
Родной земли и дел родных!.. [2, с. 387].

Появление и развитие европеизированного «света», новой книжной «литературы», рационалистического просвещения, по мысли К. С. Аксакова, подрывают основы национальной культуры («лоск заемный чуждых стран», «пышный блеск благотворенья», «спесь ученых обезьян»). Сатирический образ «обезьяны» представлен и в литературно-критических статьях К. С. Аксакова о словесности Петровской эпохи («Взгляд на русскую литературу с Петра Первого», кон. 1840-х гг.), наследии Н. М. Карамзина («О Карамзине», 1848), где он выступает синонимом слепого копирования западных явлений культуры и науки. В отличие от А. С. Хомякова, К. С. Аксаков предлагает покаяться за конкретную измену — слепое подражание западноевропейской культуре, забвение самобытных форм русского быта, отражающих сущностные стороны православного мирозерцания. Славянофил подчеркивает несправедливость критики Хомякова в адрес патриархального быта русского народа: «Не там тот грех, где Русь и нужда!..».

Стихотворение Аксакова «Возврат» (1845) можно считать программным среди других лирических текстов гражданской тематики. Мотив «возврата» (к себе, родной истории, культуре) становится ключевым в поэзии К. С. Аксакова и других славянофилов в 1840 — 1850-х гг. Один из важнейших смысловых рефренов («Пора домой!») активно использовался в патриотической публицистике XIX в. И. С. Аксаков дословно воспроизвел призыв К. С. Аксакова в заглавии статьи «Пора домой!» («Русь», 1881, особое прибавление к № 17, 10 марта).

Лирический текст К. С. Аксакова характеризуется торжественной и оптимистической интонацией. На ритмико-мелодическом уровне мы видим преобладание лексических повторов («Конец, конец...», «Друзья, друзья!»); отсутствие строф позволяет создать поэтический аналог ораторской речи. Страстный гражданский монолог начинается с признания факта долгожданного обретения родной почвы. В тексте также звучит мотив раскаяния:

Оторваны могучею рукою,
Мы бросили Отечество свое [2, с. 390].

Аксакову не присуще стремление искать внешних виновников ошибочного выбора России. Уход в сторону по ложному пути поэт трактует как всеобщую вину. Постоянная ориентация на все чужое, в итоге приведшая к жизни по западному образцу, показана как помутнение разума, обусловившее «долгое странствие» русского народа. Сама мода на европоцентризм быта и культуры представляется Аксакову преходящим явлением («Слетел туман!»). Славянофил особенно обличает «изменников, предателей» из среды русской интеллигенции:

В чужой земле ничто их не смущало,
Сухой душе там весело жилось [2, с. 391].

Образы «песен старинных», «земли родной», «народного столицы торжества» (Москвы) формируют троичную модель идеального славянофильского видения Родины:

1. Народная, фольклорная основа Руси (песни, обряды);

2. Материальный территориальный субстрат (земля, почва);

3. Духовный центр, сердце православной культуры (Москва, столица).

Наряду с историософскими оппозициями «свой — чужие», «Москва — С.-Петербург», выраженными имплицитно, в лирический текст К. С. Аксаков вводит центральную славянофильскую антитезу «Запада» и «Востока». Последние четыре стиха аллегорически символизируют закат западного мира и близкую победу Востока:

Восток горит, день недалек, светает —
И скоро солнце красное взойдет! [2, с. 392].

В стихотворном посвящении «Петру» (1845) К. С. Аксаков отходит от отечественной поэтической традиции торжественного восхваления политических и социальных реформ русского императора, начало которой было положено М. В. Ломоносовым, а вершиной стала гражданская лирика А. С. Пушкина. Славянофил создает богатый противоречиями, сложный образ Петра I, в котором равно соседствуют величие и слабость, благие помыслы и жестокость («великий гений», «муж кровавый», «сильный», «могучий муж»). Среди качеств личности правителя поэт особо выделяет «силу», «отвагу», «дух высокий». Однако с образом Петра I в стихотворении К. С. Аксакова также связаны мотивы кровавой расправы и страха, которые выступают в единстве и дополняют друг друга. С мотивом кровавой расправы связаны экспрессивные образы и художественные детали «окровавленного топора», рук, обогранных «кровию родной». В образный ряд насилия включены художественные детали, характеризующие реформы императора в области образования и науки. К. С. Аксаков убежден в преходящем характере внешнего насильственного порядка, установленного Петром I. Русский поэт, известный своим неприятием государства как социального института и противопоставлением государства народной общине и земщине, утверждает вневременное свойство русского духа сохранять свои внутренние законы и традиции. Невозможность заключить народную стихию в ограниченные, чуждые рамки реализуется посредством аллегорического образа народа как широкого моря («народа волны»). Данный образ уже в раннем творчестве Аксакова, как и в лирике других русских романтиков, был иносказанием жизни, свободы и универсальности.

В лирическом тексте акцентирована идея личной и историософской ответственности Петра I за его насильственные преобразования. К. С. Аксаков противопоставляет изначальный «благородный труд, стремление» русского народа к лучшему жизнеустройству и эгоцентризм Петра I:

В его не верил убежденья
И весь закрыл его собой [2, с. 393].

Метафора «печать проклятия» в тексте посвящения отсылает читателя к ставшей широко известной полулегендарной анафеме Евдокии Лопухиной городу на Неве («Петербургу пусту быти»). Образ С.-Петербурга, художественно воплощенный К. С. Аксаковым как эпицентр нравственного тлена и бездуховности («град, пирующий у моря», «гнездо и памятник насилия»), созвучен символике прозы Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского. В финале с С.-Петербургом связана апокалиптическая символика

(«Твой град рассыплется во прах!»), а с Москвой — образный ряд освобождения, расцвета.

Итак, лирика К. С. Аксакова 1840—1850-х гг. активно вовлечена в широкий контекст историко-литературных, эстетических, историософских и политических споров и дискуссий. Поэзии Аксакова свойственны полемичность, направленность на конкретного адресата, сближение с разговорной речью, ораторское начало. Отличительной содержательной особенностью гражданской лирики К. С. Аксакова 1840—1850-х гг. является наличие аксиологического выбора, выраженного через множество различных оппозиционных пар («Восток — Запад», «добро — зло», «свобода — тирания», «Допетровская Русь — Петровская Россия»), решаемого в пользу самобытности русского пути.

Библиографический список

1. Косяков, Г. В. Поэтическая функция образа бессмертной души в лирике И. С. Аксакова / Г. В. Косяков // Вестник Ново-

сибирского государственного университета (история, филология). — 2006. — Т. 5, вып. 2. Филология. — С. 43—46.

2. Поэты кружка Н. В. Станкевича / Гл. ред. В. Н. Орлов. — М. — Л. : Советский писатель, 1964. — 616 с.

3. Языков, Н. М. Полное собрание стихотворений / Н. М. Языков. — М. — Л. : Academia, 1934. — 927 с.

4. Хомяков, А. С. Трагедии и стихотворения / А. С. Хомяков // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. В 8 т. — М. : Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. — Т. 4. — 420 с.

5. Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений / Ф. И. Тютчев. — СПб. : Изд. Товарищества А. Ф. Маркс, 1912. — 712 с.

ОЖЕРЕЛЬЕВ Константин Анатольевич, аспирант кафедры литературы и культурологии.

Адрес для переписки: blue_eyes_hawk@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.06.2013 г.

© К. А. Ожерельев

УДК 81

Л. В. ПОПОВА

Омский государственный педагогический университет

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КОНЦЕПТ», «ПОНЯТИЕ», «ЗНАЧЕНИЕ» В РУСЛЕ КОММУНИКАТИВНО- КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

Одним из дискуссионных вопросов коммуникативно-когнитивной парадигмы является соотношение «концепта» и «понятия», «концепта» и «значения», «концепта», «понятия», «значения». В статье рассматриваются самые распространенные точки зрения исследователей по данному вопросу по мере их появления. Разведение указанных понятий является важным аспектом при лексикографическом описании терминов когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, понятие, значение, лингвистические характеристики.

Любой серьезный исследователь, который проведет разного рода научные концептуальные изыскания, а тем более при метаязыковом описании, непременно обнаруживает, что лингвисты, определяя статус концептов, их признаки, так или иначе рассматривают термин «концепт» либо в соотношении с термином «понятие», либо с термином «значение», либо анализируют все три термина. Обзор литературы показывает, что одним из дискуссионных вопросов коммуникативно-когнитивной парадигмы является соотношение *концепта* и *понятия* (Демьянков, 2001, 2007; Карасик, 2002, 2005; Маслова, 2005; Пименова, 2011), *концепта* и *значения* (Маслова, 2005; Попова, Стернин, 2006; Пименова, 2011), *концепта*, *понятия*, *значения* (Маслова, 2005; Воркачев, 2007; Массалина, Новодранова, 2009). Лингвисты и когнитологи отмечают как объединяющие, так и отличительные свойства / черты концепта, понятия, значения. Рассмотрим самые распространенные точки

зрения ученых по данному вопросу по мере их появления, поскольку разведение данных понятий является важным аспектом при лексикографическом описании терминов когнитивной лингвистики.

В. З. Демьянков полагает, что «*понятие* и *концепт*», непременно присутствующие в научном дискурсе, — исторические дублеты, русское *понятие* калькирует латинское *conceptus*. Однако в современном (научном и ненаучном) узусе эти термины расходятся в употреблении» [1, с. 35]. Ученым рассмотрена история употребления термина *концепт* в «родном ареале» (в романских языках: в латыни, французском, испанском, итальянском) и в «чужом ареале» (в русском, английском и немецком языках). Для этого им был обследован большой корпус текстов различных жанров. Предметом рассмотрения стали не сами концепты, а то, как «мы о них говорим, употребляя метаязык». Ученый приходит к выводу, что в указанных разнообразных узусах

термин *концепт* сохраняет сему «незавершенность, зачаточность». В статье «Термин «концепт» как элемент терминологической культуры» (Демьянков, 2007), которая является значительной переработкой предыдущей публикации «Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке» (Демьянков, 2001), В. З. Демьянков пишет, что «именно на противопоставлении этих двух терминов — *концепт* и *понятие* — основана концепция нового семантического словаря Н. Ю. Шведовой» [2, с. 606]. В заключение данной публикации ученый пишет, что *концепты* реализуются в *понятиях*.

В. И. Карасик (Карасик, 2005) сопоставляет *понятия* и *концепты*, сразу же обозначив свою позицию относительно *концепта*, который рассматривается в рамках лингвокультурологии. Поэтому психологические и общепсихологические характеристики исследуемых ментальных образований остаются за рамками лингвокультурологического описания. По мнению В. И. Карасика, *понятия* и *концепты* являются самыми распространенными терминами для названия ментальных образований (выделено нами — Л. П.). Пожалуй, с таким наблюдением трудно не согласиться. Ученый, анализируя определения *концепта* и *понятия*, сформулированные Ю. С. Степановым, Д. С. Лихачевым, А. А. Залевской, В. З. Демьянковым, В. В. Колесовым, С. Г. Воркачевым, С. Х. Ляпным, отмечает прагматические и содержательные отличия. При этом с позиций обыденного и формально-логического употребления различия между *концептом* и *понятием* нейтрализуются. В. И. Карасик приходит к выводу, что *концепты* не только по-разному понимаются, но и представляют собой сущности с противоположными и несовместимыми признаками» [3, с. 26]. С одной стороны, по мнению ученого, по своей сути *концепты* характеризуют бытие во всей его полноте, от обиходного состояния до выхода на смысложизненные ориентиры поведения. *Понятие* является одним из модусов / сторон / ипостасей / аспектов изучения *концепта*. С другой стороны, к *концепту* можно подняться дискурсивно и недискурсивно. Кроме того, *понятие* открыто для определения, а *концепт* определяется с трудом.

По мнению Н. А. Красавского, *концепт* шире *понятия* [4, с. 76] Если *понятие* — это мысль об определенном предмете / явлении, то «*концепт* — это идея, включающая не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки» [5, с. 5].

В. А. Маслова (Маслова, 2005) анализирует *концепт*, *понятие* и *значение* и отмечает, что проблема их дифференциации является одной из сложно решаемых и дискуссионных в теоретическом языкознании наших дней. Ученый объясняет такое сложное положение двумя моментами. Во-первых, при анализе *концепта* имеют дело с сущностями плана содержания, которые не даны исследователю в непосредственном восприятии, а судить об их свойствах и природе возможно на основе косвенных данных. Во-вторых, В. А. Маслова именуется КЛ молодой наукой, и эта проблема является «болезнью роста» [6, с. 26]. В. А. Маслова проводит анализ точек зрения отечественных и зарубежных ученых, таких как Ю. С. Степанов, А. Вежбицкая, С. А. Аскольдов, Д. С. Лихачев, В. П. Москвин, А. П. Бабушкин, и приходит к мысли о том, что «*значение*, *концепт* и *понятие* — это разные термины» (выделено нами. — Л. П.). Заметим, что подобную мысль высказывал Ю. С. Степанов. *Концепт* и *понятие* признаются параллельными терминами, поскольку при-

надлежат разным наукам: *понятие* — термин логики и философии, а *концепт* — математической логики, культурологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики. Хотя, отмечает В. А. Маслова, по внутренней форме *понятие* и *концепт* сходны. *Концепт* и *значение* также не находятся во взаимозначном соответствии (выделено нами. — Л. П.). *Концепт* — относительно стабильный и устойчивый когнитивный слепок с объекта действительности, так как, пишет В. А. Маслова, он связан с миром более непосредственно, чем *значение*. А слово своим значением всегда представляет лишь часть *концепта*. Но получить доступ к *концепту* лучше через средства языка, через слово, предложение, дискурс.

Осмысление соотношения *концепта* и *значения* слова является одной из главных проблем КЛ. Как отмечают З. Д. Попова и И. А. Стернин, для разграничения *значения* и *концепта* необходимо выявить их общие черты, различия и отношения [7, с. 64].

С одной стороны, *концепт* и *значение* в равной мере представляют отражение действительности (объективной и субъективной). Оба явления — когнитивной природы, оба представляют собой результаты отражения и познания действительности сознанием человека.

С другой стороны, *концепт* и *значение* — продукты деятельности разных видов сознания. *Концепт* — продукт когнитивного сознания человека, *значение* — продукт языкового сознания. Особенность семантики языковых единиц в том, что семантика не просто отражает действительность как *концепт*, она является частью *концепта* и выступает в виде части языкового знака в акте коммуникации.

При этом, *значение* по отношению к *концепту* выступает как его часть, обозначаемая регулярно используемым и воспроизводимым в данном сообществе языковым знаком. Соотношение слова и *концепта* можно уподобить видимой и невидимой части айсберга. Компоненты лексического значения выражают значимые концептуальные признаки, но не в полном объеме. *Концепт* объемнее лексического значения слова, структура *концепта* гораздо сложнее и многограннее, чем лексическое значение слова [8, с. 11].

Нам близка позиция С. Г. Воркачева, который в своей работе «Лингвокультурный концепт: типология и области бытования» (Воркачев, 2007) утверждает и аргументирует, что «*Концепт* — синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену *представлению* (образу), *понятию* и *значению* и включившее их в себя в «снятом», редуцированном виде — своего рода «гипероним» последних. В качестве «законного наследника» этих семиотических категорий *лингвоконцепт* характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от *понятия* дискурсивность представления смысла, от образа — метафоричность и эмотивность этого представления, а от *значения* — включенность его имени в лексическую систему языка» [9, с. 5].

Таким образом, по С. Г. Воркачеву, *лингвоконцепт* (*л-концепт*) — это гипероним для *понятия*, образа, *значения*, которых он сменил методологически. Полагаем, в данном случае следует помнить, что подобную мысль высказывал В. В. Колесов: «*Концепт* — синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), *понятию* и *значению* и включившее их в себя в «снятом», редуцированном виде — своего рода «гипероним» последних»

[10, с. 122]. В своей статье «Русская гума: особенности концептуализации» (Колесов, 2011) В. В. Колесов указывает на то, что «Концепт — исходная сущность мысли, в явном виде представленная в образе, символе и понятии» [11, с. 33]. Более того, ученый подчеркивает, что исторически именно в такой последовательности (образ-символ-понятие. — Л. П.) русская культура выявляла содержательные формы концепта. При этом В. В. Колесов подчеркивает, что вопрос только в хронологии и соотношении ценности той или иной формы в рамках культуры. Ученый убедительно демонстрирует последовательность появления форм образ-символ-понятие в русской культуре: «Древнерусская мысль — языческая по преимуществу — пользовалась образным мышлением; русская былина тому пример. Принятие христианства, а вслед за тем и проникновение на Русь идей Ареопагитик в XV в. Принесли русской мысли символ как основную форму мышления. А символ — это образное понятие, которое преобразовалось в «чистое» понятие к концу XVII в. (сам термин *понятие* появился только в начале XVIII в.)» [11, с. 35–36].

Как таковое, появление термина «концепт» в КЛ было связано с острой необходимостью разработки категории «для адекватного обозначения содержательной стороны языкового знака, который снял бы функциональную ограниченность традиционных значений и смысла, и в котором бы органически слились логико-психологические и языковедческие категории» [12, с. 5]. Оперирование категорией понятия в классическом, «безобразном» представлении оказалось для когнитивистики явно недостаточным. Однако основным признаком, отделяющим лингвистическое понимание концепта от логического, является его закреплённость за определенным способом языковой реализации [13, с. 90]. Концепт в нетерминологическом, свободном употреблении — синоним понятия. Терминологизируясь, он становится неким «паролем» — свидетельством принадлежности автора текста к определенной научной школе, последователи которой объединены общими теоретическими и методологическими взглядами на сущность и природу своего предмета исследования. В российской лингвистической традиции *концепт* воссоздан для компенсации возникшей эвристической неадекватности классического понятия, представления и значения и, как было отмечено нами выше, в качестве термина «принадлежит» главным образом когнитивной лингвистике и лингвокультурологии [9, с. 9].

Лингвокультурологическое направление относит *понятие* к интеллектуальной, мыслительной деятельности человека, *концепт* же включает в себя ощущения, эмоции, образы, символы. Он может образовываться как с участием мыслительных логических операций, так и минуя их. Содержание *концепта* обусловлено лингвокультурными особенностями данного предмета или явления. Ю. С. Степанов подчеркивает это отличие *концепта* от *понятия*: «В отличие от *понятий*, *концепты* не только мыслятся, они переживаются. Они предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [14, с. 40].

М. В. Пименова отмечает, что «<...> понятие есть часть концепта; понятийные признаки входят в структуру концепта» [15, с. 68–69].

Из признания *концепта* планом содержания языкового знака следует, рассуждает С. Г. Воркачев, что он включает в себя помимо предметной отнесенности всю коммуникативно-значимую информацию. Прежде всего, это указания на место,

занимаемое этим знаком в лексической системе языка: его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи — то, что Ф. Соссюр называет «значимостью» и что, в конечном итоге, отражает «лингвистическую ценность внеязыкового объекта» (Карасик, 1996), проявляющуюся в семантической плотности той или иной тематической группы, соотносимой с «концептом». В семантический состав концепта входит также и вся прагматическая информация языкового знака, связанная с его экспрессивной и иллокутивной функциями. Еще одним, факультативным компонентом семантики языкового концепта является «этимологическая» / «культурная» / «когнитивная память слова» — смысловые характеристики языкового знака, связанные с его первоначальным предназначением, национальным менталитетом и системой духовных ценностей носителей языка (Апресян, 1995; Телия, 1996; Яковлева, 1998). Однако концептологически наиболее существенным здесь оказывается так называемый культурно-этнический компонент, определяющий специфику семантики единиц естественного языка и отражающий «языковую картину мира» его носителей [14, с. 22–23].

Считаем важным подчеркнуть, что, согласно С. Г. Воркачеву, в лингвокультурологической трактовке, *концепт* психологизируется и отождествляется с типовым представлением (прототипом, «гештальт-структурой») и здесь логико-семантически значение и смысл практически меняются местами: концепт денотата — сведения, необходимые и достаточные для выделения класса объектов — замещается собственно денотатом — типовым образом, представляющим класс в нерасчлененной полноте признаков [16, с. 27].

И. П. Массалина и В. Ф. Новодранова признают, что «в когнитивной лингвистике термины *концепт* и *понятие* разграничиваются. Обобщая трактовки термина концепт, соавторы приводят его основные черты, отличающие его от термина *понятие*: 1) в отличие от *понятия*, являющегося рациональной схемой объекта, *концепт* содержит сенсорный, эмотивный и оценочный компоненты; 2) *научный концепт* шире понятия. Он включает в себя как наивный аналог понятия (метафорические, исторические термины), так и собственно *понятие* как инструмент логического и научного мышления; 3) *концепт* менее системен, менее ригиден по своему строению, чем *понятие*. Он многомерен, вариативен и в той или иной мере семантически размыт. «Суммируя взгляды лингвистов на природу значения и концепта, можно сказать, что лексическое значение, отражённое в звуковой оболочке термина, является одним из компонентов такого сложного целого, как *научный концепт*, включающего в себя *понятие*, представление, предметное содержание, ассоциации, эмоции, оценку» [17, с. 73].

Н. Д. Арутюнова делает акцент на контекстуальных связях формирующегося в сознании индивида или коллектива *концепта* с уже усвоенными общественными ценностями данного социума. Н. Д. Арутюнова трактует *концепт* как «понятие практической (обыденной) философии, являющейся результатом взаимодействия ряда факторов, таких как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей» [18, с. 3].

И. М. Кобозева определяет *концепт* и *понятие* как в целом сходные явления, выделяя *концепт* как «понятие наивное, обыденное, повседневное»

[19, с. 48]. Однако, принимая во внимание размытость границ концептуального поля, *наивное понятие* и *научное понятие* составом своей семантики могут входить в один и тот же *концепт*, пересекаться, и тем самым становиться не равнозначным концепту, а его семантическими элементами.

Ю. С. Степанов доказывает возможность смоделировать понятийную часть *концепта* как явления, которое, по определению, многостороннее понятия, опираясь на положение, что *понятие* есть «логически оформленная общая мысль о классе предметов, явлений; идея чего-нибудь» [18, с. 559]. Концепт — явление того же порядка, что и понятие. По своей внутренней форме в русском языке слова *концепт* и *понятие* одинаковы: концепт является калькой с латинского *conceptus* — «понятие», от глагола *concipere* — «зачинать», т. е., буквально, «поятия, зачатие»; *понятие* от глагола *пойти*, <...> «схватить», взять в собственность, взять жену в жены» буквально значит, в общем, то же самое. В научном языке эти два слова также иногда выступают как синонимы, одно вместо другого. Но так они употребляются изредка. В настоящее время они довольно четко разграничены [19, с. 242].

Концепт и понятие — термины разных наук; второе употребляется главным образом в логике и философии, тогда как первое, *концепт*, является термином в одной отрасли логики — в математической логике, а в последнее время закрепилось также в науке о культуре, в культурологии. Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее. У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия <...>; с другой — в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д. [19, с. 242–243].

«*Концепт* не сводим лишь к существенным признакам объекта. В качестве исходного положения можно использовать представление *концепта* в виде «слоистой структуры», эти слои являются результатом, «осадком жизни разных эпох» [14, с. 46]. Ю. С. Степанов полагает, что *концепт* существует в сознании человека не в виде четких понятий и что концепт представляет собой «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые вызывает в нашем сознании слово. Ментальная природа *концепта* делает его строение более размытым и индивидуальным, чем трактовка понятия посредством разнообразных логических операций, сводимых к выявлению основных существенных признаков. Однако в его структуру непременно будет входить все, что «принадлежит структуре понятия» [14, с. 41].

Таким образом, можно согласиться с мнением С. Г. Воркачев, что, безусловно, «выделение *концепта* как ментального образования, отмеченного лингвокультурной спецификой, — это закономерный шаг в становлении антропоцентрической парадигмы гуманитарного, в частности, лингвистического знания» [16, с. 25–26]. Исследователи, интерпретируя термины *концепт*, *понятие*, *значение*, отмечают как сходные моменты, так и отличия между ними. В сжатом виде это может иметь следующий вид:

«*понятие* — это модус *концепта* (Карасик, 2005); *понятие*, *значение*, *концепт* — разные термины (Маслова, 2005); *концепт* и сознание, с одной стороны, представляют собой результаты отражения и познания действительности сознанием человека, а с другой — продукты деятельности разных видов сознания (Попова, Стернин, 2006); *концепт* — гипероним *значения* и *понятия* (Колесов, 2002; Воркачев, 2007); *концепт* и *понятие* разграничиваются; *значение* — это один из компонентов «концепта», который включает в себя *понятие* (Массалина, Новодранова, 2009); *понятие* — это часть *концепта* (Пименова, 2011). С другой стороны, отметим, что, по мнению Н. Н. Болдырева, и *концепт*, и *понятие* представляют собой некие форматы знания и входят в состав одной типологии (Болдырев, 2001).

Библиографический список

1. Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. — 2001. — № 1. — С. 26–33.
2. Демьянков, В. З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике / В. З. Демьянков // Концептуальный анализ языка : современные направления исследования : сб. науч. тр. — М. : Калуга, 2007. — С. 26–33.
3. Антология концептов. В 6 т. Т. 1 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград : Парадигма, 2005. — 352 с.
4. Красавский, Н. А. Концепты «мудрость», «терпение», «целеустремленность» и «любовь» в аксеологической картине мира Германа Гессе / Н. А. Красавский // Человек. Язык. Культура : сб. науч. ст., посвящ. 60-летию юбилею проф. В. И. Карасика. В 2 ч. / отв. со-ред. В. В. Колесов, М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов. — 2-е изд., испр. — Киев : Издательский дом Д. Бураго, 2013. — Ч. 1. — С. 75–84.
5. Карасик, В. И. Лингвокультурная концептология / В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Г. Г. Слышкин. — Волгоград : Парадигма, 2009. — 115 с.
6. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. — 2-е изд. — Мн. : ТетраСистемс, 2005. — 256 с.
7. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж, 2006. — 226 с.
8. Бекишева, Е. В. К проблеме описания семантической структуры медицинского термина / Е. В. Бекишева // Профессиональная коммуникация: вербальные и когнитивные аспекты : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. — М. : ИГУМО, 2007. — С. 84–86.
9. Воркачев, С. Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / С. Г. Воркачев ; под общ. ред. С. Г. Воркачева. — Волгоград : ВолГУ, 2007. — 400 с.
10. Колесов, В. В. Концептология : Конспект лекций, читанных в сентябре-декабре 2010 года / В. В. Колесов. — СПб. : СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2012. — 168 с.
11. Воркачев, С. Г. Концепт «Оскорбление» и его этимологическая память / С. Г. Воркачев, Г. В. Кусов // Теоретическая и прикладная лингвистика / Вып. 2. Язык и социальная среда. — Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. — С. 90–102.
12. Словарь русской культуры. Константы. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — М. : Языки русской культуры, 1997. — 824 с.
13. Пименова, М. В. Концептуальные исследования. Введение : учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. — 176 с.
14. Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев. — Краснодар : Изд-во КубГТУ, 2002. — 142 с.
15. Массалина, И. П. Дискурсивные маркеры в английском языке военно-морского дела / И. П. Массалина, В. Ф. Новодранова. — Калининград : Издательство ФГОУ ВПО «КГТУ», 2009. — 278 с.

16. Арутюнова Н. Д. Предисловие / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: культурные концепты. — М.: Наука, 1991. — С. 3–4.

17. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с.

18. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М.: Оникс, Мир и образование. — 1200 с.

19. Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л. Н. Чурилина. — 3-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 416 с.

ПОПОВА Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры иностранных языков второй специальности.
Адрес для переписки: la-09@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 03.07.2013 г.
© А. В. Попова

УДК 81'42

Н. А. СЕДОВА

Омский государственный
институт сервиса

ЦЕННОСТНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ «ЧАСТЬ—ЦЕЛОЕ» В ТЕКСТАХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН

В статье рассматриваются тексты лирических песен, которые репрезентируют представления о части и целом и которые имплицитно содержат аксиологическую информацию. Устанавливается связь между вербальным, событийно-тематическим и концептуально-ментальным уровнями текстов лирических песен, содержащих лексемы, в значении которых присутствует семантический признак «часть» или «целое».

Ключевые слова: текст лирической песни, вербальный уровень, событийно-тематический уровень, концептуально-ментальный уровень, часть, целое.

Песня — форма словесно-музыкального искусства [1, с. 277], предназначенная для пения; совокупность вербальных и музыкальных знаков, оказывающих на адресата-слушателя эмоциональное воздействие. Объектом исследования в данной статье является *песенный текст*, под которым мы понимаем вербально-стихотворный компонент песни.

В последнее десятилетие песенные тексты неоднократно становились объектом лингвистических исследований, в которых изучались различные особенности их содержания, структуры и функционирования: экспрессивно-семантическая структура русской лирической песни (Е. А. Карапетян, 2001); содержательные и языковые особенности текстов современной эстрадной песни (Е. В. Нагибина, 2002); стереотипность шлягера как текста массовой культуры (Т. А. Григорьева, 2003); когнитивные, коммуникативные, стилистические аспекты современной популярной лирической песни (О. С. Кострюкова, 2007); лингвоэкологический аспект современного песенного текста (А. Н. Полежаева, 2011).

Наше исследование песенных текстов вписывается в уже существующую традицию изучения последних с позиции лингвокультурологии [2], что позволяет проследить процесс взаимодействия языка, культуры и человека как носителя данного языка и данной культуры, и базируется на следующих теоретических положениях [2; 3]:

1) песня и песенный текст как её составляющая являются единицами национально-культурного пространства;

2) «языковые знаки способны выполнять функцию «языка» культуры, что выражается в способ-

ности языка отображать культурно-национальную ментальность его носителей» [3, с. 30], следовательно, песенный текст может рассматриваться как источник культурной национально маркированной информации;

3) современная песня генетически восходит к народной песне, отражающей традиционную народную культуру, описывающей все сферы как личной, так и общественной жизни человека и регламентирующей весь жизненный уклад народа через зафиксированные в песне представления о системе ценностей и стереотипах поведения; следовательно, лингвокультурологический анализ песенных текстов позволит реконструировать представления о национальных ценностных приоритетах.

Новизна нашего исследования заключается в том, что песенный текст, как носитель национально-культурной аксиологической информации, будет рассмотрен сквозь призму онтологической категории «часть — целое». Таким образом, предмет исследования — имплицитное аксиологическое содержание текстов лирических песен, репрезентирующих представления о части и целом. Для анализа нами выбраны лирические песни — это «песни, выражающие личные чувства и настроения поющих» [4].

Исследователи, изучающие песню как жанр массовой культуры и песенный текст как её компонент, отмечают такую их особенность, как стереотипность: «Песенный текст не несет в себе «нового знания», как это понимается в случае с литературным текстом. Напротив, он предсказуем, стереотипен, схематичен (даже если в его основе — шедевр мировой литературы: в этом случае в литературном

эквиваленте выходит на первый план его стереотипность, а все нюансы отходят на второй). Песенный текст апеллирует к уже известному, к традиционным смыслам и представлениям, к реалиям, *типичным* для исторически данной культуре, к стереотипным ситуациям и стереотипным их разрешениям» [2]. С точки зрения культурологии, стереотипы фиксируют коллективный социально-духовный опыт народа. «Существование подобных стабилизаторов (стереотипов) связано с регулярной повторяемостью сходных (типовых) ситуаций и сходных потребностей; они являются традиционными способами «решения» типовых ситуаций» [5, с. 109]. Следовательно, основными элементами дефиниции понятия *стереотип* являются такие, как устойчивость, повторяемость, воспроизводимость, предсказуемость, ассоциативность.

В текстах лирических песен стереотипность «проявляется на различных уровнях: 1) сюжетно-событийном (темы, мотивы, ситуации, герои, их функции); 2) вербально-образном (стандартные языковые средства оформления стандартных тем и ситуаций текста — ключевые слова, устойчивые образы, постоянные эпитеты, формулы, клише, штампы, *loci communes* и др.); 3) концептуально-ментальном («самодовлеющие инвариантные структуры сознания», стереотипы сознания, функционирующие на уровне когнитивной базы лингвокультурного сообщества)» [6, с. 95–96]. Мы намерены объективировать коррелятивные отношения между единицами данных уровней, выстроив траекторию исследования следующим образом: *вербальный уровень* (тексты лирических песен, содержащие лексемы с партитивно-холической семантикой, которые репрезентируют представления о части и целом) — *событийно-тематический уровень* (тематика и событийный ряд лирических песен, содержащих лексемы с партитивно-холической семантикой) — *концептуально-ментальный уровень* (имплицитованная в текстах лирических песен, содержащих лексемы с партитивно-холической семантикой, национально-культурная аксиологическая информация).

Отношения по типу «часть — целое» являются одним из видов многообразных отношений, в которых находятся друг с другом все предметы реального мира. Они считаются универсальными, так как характеризуют и пронизывают все формы бытия. Онтологические категории часть и целое определяются посредством друг друга: «часть — это элемент некоторого целого; целое — то, что состоит из частей» [7, с. 343].

Анализ *вербального уровня* является первичным, поскольку основным способом репрезентации представления о части и целом является вербализация. В качестве языкового материала выступают лексические и грамматические вербализаторы, в значении которых имеются непосредственно или опосредованно присутствующие семантические признаки отношения «часть — целое», а именно партитивные или холические семы.

Для объективации представления о *части* в текстах лирических песен используются лексемы с партитивной семантикой, в значении которых в разной степени (по шкале эксплицитность / имплицитность) присутствует партитивная сема, а именно:

1) лексема *часть*, которую мы рассматриваем как инвариантную, так как именно она даёт представление о части в наиболее простом и объективном виде: Я и ты / Мы разбили наше хрупкое сча-

стье / Вдруг на *части* (исп. группа «Челси»); Мир / В котором я живу / Не делится на *части* / Пока в нём есть любовь (исп. В. Брежнева);

2) лексико-семантические эквиваленты инвариантной лексемы «часть», отстоящие от неё на расстоянии одного шага в родо-видовой цепочке: *вгребезги, дно, кусочек, остаток, половина*, сложные слова с первой частью *пол-* (*полнеба, полмира*), *пополам*, например: *Пополам небеса, пополам земля / Пополам* я сама не случайно (исп. Л. Долина); *Забери кусочек / Улыбки и взгляда / Половину* только / А больше не надо (исп. Л. Агутин);

3) лексемы, в значении которых семантический признак «часть» присутствует имплицитно и указание на него осуществляется опосредованно, через ссылку на один из лексико-семантических эквивалентов инвариантной лексемы «часть» (лексемы этой группы отстоят от инвариантной лексемы на расстоянии двух и более шагов в родо-видовой цепочке): *капля* (капля ← частица ← часть), *клеточка* (клеточка ← единица ← часть), *клочья* (клок ← обрывок ← кусок ← часть), *обломок* (обломок ← кусок ← часть), *осколок* (осколок ← кусок ← часть), *развалины* (развалины ← остаток ← часть), *угли* (угли ← кусок ← часть), например: Где-то там за чертой / Я оставляю осколки обид / И тревожные сны / И до боли холодные ночи (исп. Н. Басков); Я не держу тебя, поверь / Ты не увидишь моих слез / И на *развалинах* любви / Ты не посадишь новых роз (исп. Т. Повалий);

4) глаголы с партитивной семантикой: *состоять* (*состоящий*), например: Свет уходящего солнца / Свет я увидел в глазах твоих / Мир, *состоящий* из двух половин / И никакого нет смысла в жизни, кроме любви (исп. В. Меладзе), в том числе глаголы с *деструктивной* партитивной семантикой (имеют обобщённое значение «выведение из состава целого, разрушение целого»): *делить* (*поделить, разделить*), *колоть, разбить, разлететься, разорвать, расколоть*, например: Колется сердечко на кусочки, на осколочки / Где мое колечко? У тебя лежит на полочке (исп. Глюкоза); Бог тебя выдумал для двоих, видимо / *Разделил* пополам, словно реку берегам (исп. Дуэт «Не пара»).

Для репрезентации представления о *целом* в текстах лирических песен используются лексические единицы, в значении которых в разной степени (по шкале непосредственность/опосредованность) присутствует холическая сема:

1) инвариантная лексема *целое* — «нечто *единое, нераздельное*» [8, с. 1459], которая может выступать как в качестве субстантива, так и в качестве адъектива, а также её синонимы: *весь* (и его грамматические формы *всё, вся, все*) [9, с. 546], *один, без остатка, до дна, до конца, всегда, везде, всюду*, например: И когда, прильнув к твоим губам / Я *всего* себя тебе отдам (исп. Е. Анегин); Мы друг в друге растворялись *без остатка* (исп. Д. Маликов); Я помолюсь за тебя / И сердце бьется любя / Друг другу стали с тобой *одной* судьбой (исп. Т. Повалий);

2) лексико-семантические эквиваленты инвариантной лексемы и её синонимов (лексемы этой группы отстоят от инвариантной лексемы или её синонима на расстоянии одного шага в родо-видовой цепочке): *круглосуточно, навсегда, пара*, например: Знаю я, что ты меня найдёшь / Знаю я, что ты меня поймёшь / Что под этой вечною луной / Лучшей *парой* станем мы с тобой (исп. Е. Анегин); *Круглосуточно* красивая женщина / Ты *круглосуточно* красивая женщина, а я / *Круглосуточно* влюбленный мужчина (исп. С. Слепаков);

3) лексемы, в значении которых холическая сема присутствует имплицитно и указание на неё осуществляется опосредованно, через ссылку на один из лексико-семантических эквивалентов инвариантной лексемы или синонимов (лексемы данной группы отстоят от инвариантной лексемы или её синонима на расстоянии двух и более шагов в родо-видовой цепочке): *вместе* (вместе ← соединение ← целое), например: Мы будем *вместе*, я знаю / Таких, как я, не бывает / Таких, как ты, не теряют / Мы будем *вместе*, я знаю (исп. И. Билык);

4) глаголы с холической семантикой (имеют обобщённое значение «соединение, объединение, включение в состав целого»): *слепить, сложить, собрать, раствориться*, например: Я его *слепила* из того, что было (исп. А. Апина); Я *растворюсь* в тебе / Солёною слезой (исп. Т. Повалий).

Статистическая обработка лексем с партитивной и холической семантикой позволила получить следующие выводы: в текстах лирических песен наиболее частотны лексемы с партитивной семантикой, их количественное соотношение с лексемами с холической семантикой составляет 2:1 (67 % и 33 % соответственно). Среди лексем, объективирующих представление о части, наиболее частотны *осколки* — встречаются в 30 % проанализированных песенных текстов, *разбить* — в 18 % текстов, *половина (половинка, пополам)* — в 16 % текстов, употребление других указанных выше лексем с партитивной семантикой отмечается в 2–4 % песенных текстов. Среди лексем с холической семантикой наиболее частотными являются инвариантная лексема *весь* и группа её синонимов *всегда, везде, всюду*, в совокупности они встречаются в 31 % песенных текстов, репрезентирующих представление о целом, и в 10 % проанализированных песенных текстах.

Стереотипные лексемы текстов лирических песен являются не только частотными, но и тематически значимыми, так как активно участвуют в развёртывании сюжета лирической песни, следовательно, коррелируют с *событийно-тематическим уровнем* текстов лирических песен.

Для наименования основной единицы событийно-тематического уровня песенных текстов считаем целесообразным использовать термин «тема» (для наименования инвариантного явления) и «микротема» (для наименования вариантов темы). По нашим наблюдениям, для сюжетно-событийного уровня текстов лирических песен, содержащих партитивные и холические лексемы, стереотипными являются две основные темы, которые можно обозначить как «Счастливая любовь» и «Несчастливая любовь». Каждая, в свою очередь, реализуется совокупностью нескольких вариантов, микротем, рассмотрим их последовательно.

Тема «Счастливая любовь». В рамках микротемы «*Единение с любимым человеком*» можно выделить два вида сюжетно-событийных явлений, связанных с разной степенью единения, а именно: а) полное единение, эмоциональное слияние, имеющее место при очень сильном чувстве, когда одно целое становится частью другого целого, например: Я помолюсь за тебя / И сердце бьется любя / Друг другу стали с тобой *одной* судьбой (исп. Т. Повалий); И когда, прильнув к твоим губам / Я *всего себя тебе отдам* / И никто не будет в этот час / На земле уже счастливей нас (исп. Евгений Анегин); и б) частичное единение, при котором любящий отдаёт другому человеку лишь какую-то часть себя, что возможно, например, в состоянии влюблённости, напри-

мер: Если я уеду / Я с тобой оставлю *половину* / *Половину* всего / *Половину* сердца / Оставлю с тобой / *Половину* неба / Закрою рукою (исп. Л. Агутин); Звезды в лужах *делить* с тобой / Теплый ужин *делить* с тобой / Остаться нужным и быть с тобой (исп. группа «30.02»).

Микротема «*Счастливое прошлое или будущее с любимым человеком*» концептуализируется в песенных текстах рядом холических лексем, например: Мы будем *вместе*, я знаю / Таких, как я, не бывает / Таких, как ты, не теряют / Мы будем *вместе*, я знаю (исп. И. Билык); Какой бы мы красивой были *парой* / Мой милый, если б не было войны (исп. В. Толкунова).

Микротема «*Любовь — чувство, создающее ощущение гармонии*». В песенных текстах данной микротемы сообщается о несовместимости такого чувства, как любовь, с дискретностью окружающего мира. Данная мысль выражается эксплицитно в форме отрицательных или усилительно-отрицательных конструкций, например: Мир, в котором я живу / *Не делится на части* / Пока в нём есть любовь (исп. В. Брежнева); Мы выпили любовь, *не расплескав ни капли* (исп. группа «Город 312»).

В песенных текстах микротемы «*Создание образа любимого человека*» используются глаголы, имеющие обобщённое значение «соединение, объединение, включение в состав целого»: Я его *слепила* из того, что было (исп. А. Апина); Я тебя *сложила* из снов в этом новолунии / Слито столько ласковых слов в тихом звуке имени (исп. Т. Повалий).

При реализации микротемы «*Глубина и сила чувства*» могут употребляться как лексемы с партитивной семантикой для того, чтобы показать глубину чувства: Я знаю ты будешь со мной / Я каждую *клеточку* чувствую МОИ (исп. группа «Тутси»), так и лексемы с холической семантикой для того, чтобы показать силу чувства: *Весь* мир и *всю* нежность свою / В любовь превращу и тебе подарю (исп. группа «Тутси»); Сквозь расстояния и холода / Я твоя *навсегда, навсегда* (исп. Т. Повалий).

Тема «Несчастливая любовь». В песенных текстах микротемы «*Безответная любовь*» часто присутствует образ-символ разбитого сердца, который эксплицитно реализуется глаголами с *деструктивной* партитивной семантикой, например: Расколось моё сердце без любви твоей (исп. Лолита); *Колется* сердечко, на кусочки, на осколочки / Где мое колечко? У тебя лежит на полочке (исп. Глюкоза).

В песенных текстах микротемы «*Утраченная любовь вследствие расставания*» используются глаголы с *деструктивной* партитивной семантикой, например: Ты уходишь, мое сердце *разбивая* (исп. Д. Маликов); Было так жестоко сердце мне *разбито* / Помнишь, как сказал ты: «Чао, бамбино, сеньорита» (исп. группа «Блестящие»), а также лексемы, называющие части, отделившиеся от целого механическим путём, некоторые из них имеют дополнительное обобщённое значение «то, что осталось, остаток»: *обрывок, обломок, осколок*, например: И в новостях покажут лишь *обломки* чувств / Что раньше связывали нас (исп. Таня); Мелочи жизни — с кем не бывает / *Угли* большой любви остывают (исп. П. Гагарина). Данная семантика поддерживается такими лексико-грамматическими средствами, как лексемы *раньше, остались, в память*, контекстуальные антонимы *когда-то — теперь*, глаголы в форме прошедшего времени *были, связывали*.

Для концептуализации микротемы «*Любовь — чувство, причиняющее душевные страдания и боль*» используются лексемы, именующие части, отделив-

шиеся от целого механическим путём, что усиливает «болезненность» описываемых в рамках данной микротемы ситуаций, например: Они нам дуло к виску / Они нам *вдребезги* сердца / А мы за ними во тьму / А мы за ними в небеса (исп. П. Гагарина, И. Дубцова); Женская любовь, нет тебя короче / Сердце ты моё разрываешь в *ключья* (исп. Н. Трубоч).

Микротема «Пребывание в одиночестве» конкретизируется в сюжетном действии «поиск любимого человека», которое в большинстве текстов лирических песен актуализирует миф о двух половинках, следовательно, типичными для данных песенных текстов являются партитивные лексемы *половина* (*половинка*, *пополам*), например, сюжет мифа положен в основу текста песни в исполнении Л. Долиной «Половинка моя» (*Пополам* небеса, *пополам* земля / *Пополам* я сама не случайно / *Половинка* моя, *половинка* моя / Как я по тебе скучаю). В некоторых песенных текстах микротема «Пребывание в одиночестве» актуализируется использованием образа парного предмета, а состояние одиночества ассоциируется с нарушением парности, например: Без меня тебе, любимый мой / Лететь с *одним крылом* (исп. А. Пугачёва).

Проанализированные вербальный и событийно-тематический уровни текстов лирических песен с партитивно-холическими лексемами позволяют сделать выводы о концептуально-ментальной аксиологической информации, имплицитной в них.

Основными в эмоционально-личностной сфере человека являются состояния и переживания, вызванные таким чувством, как любовь. Партитивные и холические лексемы используются в песенных текстах для концептуализации как темы «Счастливая любовь», так и темы «Несчастливая любовь», при этом в песенных текстах темы «Счастливая любовь» преобладают холические лексемы, а в песенных текстах темы «Несчастливая любовь», по нашим наблюдениям, используются только партитивные.

На наш взгляд, большую концептуальную нагрузку имеют лексемы с партитивной семантикой, именно они, по сравнению с холическими лексемами, создают хотя и стереотипные, но более интересные образы. Так, в текстах лирических песен глаголы с партитивной семантикой *расколоть*, *разбить* создают метафорический образ любовного чувства, отношений между мужчиной и женщиной как чего-то хрупкого и тонкого, нуждающегося в сохранении и охране; при использовании партитивной лексемы *осколки* актуализируются темы «острый» и «необратимость»; лексемы *ключья*, *обрывки*, *обломки* называют части, отделяемые от целого механическим путём, что позволяет материализовать ощущение душевной боли и придать ей силу физической. Заслуживает внимания партитивная лексема *половина*. Она употребляется в песенных текстах и темы «Счастливая любовь», и темы «Несчастливая любовь», участвуя в создании конверсивных семантико-аксиологических отношений: отсутствие, нехватка,

недостаток половины, нужда в ней воспринимается как негативная ситуация, если же половина отдаётся, отделяется, это воспринимается как нормальное и правильное явление. В продолжение темы парности, двукомпонентности в текстах лирических песен можно сказать, что ситуация разъединения парных предметов (два крыла — одно крыло) наделяет участника ситуации такими качествами, как беспомощность, духовная бедность, моральная ущербность.

Таким образом, целостное состояние чего-либо имеет положительный потенциал и стереотипно воспринимается носителями русского языка как более правильное, гармоничное и ценное. Образ разделения чего-либо на части, дискретное состояние препятствует актуализации положительной информации, применительно к личностной сфере человека является повторяемым и устойчивым при передаче таких чувств, эмоций и состояний, как страдание, душевная боль, одиночество и др.

Библиографический список

1. Лазуткин, С. Г. Песня / С. Г. Лазуткин // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — М.: Сов. энциклопедия, 1987. — 752 с.
2. Андронаки, Г. Д., Васильева В. В. Опыт лингвокультурологического анализа: песенный текст [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://psujourn.narod.ru/lib/vasilyeva1.htm> (дата обращения: 03.02.2013).
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. — М.: Академия, 2001. — 208 с.
4. Соколов, Ю. Словарь литературных терминов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-4141.htm> (дата обращения: 14.04.2013).
5. Чистов, К. В. Народные традиции и фольклор: очерки теории / К. В. Чистов. — Л.: Наука, 1986. — 304 с.
6. Григорьева, Т. А. Стереотипные модели и стереотипные ситуации в текстах современного шлягера / Т. А. Григорьева // Учёные записки молодых филологов: сб. статей. Вып. 2. / Отв. ред. А. В. Андронов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. — С. 94–105.
7. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 4 / Под ред. В. С. Стёпина. — М.: Мысль, 2001. — 605 с.
8. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
9. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка: практ. справ. / З. Е. Александрова. — М.: Рус. яз., 2001. — 568 с.

СЕДОВА Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры туризма.

Адрес для переписки: sedova2006@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.06.2013 г.

© Н. А. Седова

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *eccentric* В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ У. С. МОЭМА, О. ХАКСЛИ И И. ВО)

В данной статье предпринимается попытка определения оценочных коннотаций прилагательного *eccentric* в английской языковой картине мира первой половины XX века. Изучена семантика данной лексической единицы. На материале характерологического портрета персонажей в произведениях У.С. Моэма, О. Хаксли и И. Во был проведен контекстуальный анализ значения рассматриваемого прилагательного.

Ключевые слова: характерологический портрет, аксиологические коннотации, языковая картина мира.

В ходе изучения особенностей характерологического портрета в произведениях У.С. Моэма, О. Хаксли и И. Во установлено, что одним из неоднозначных, с точки зрения аксиологических коннотаций, является прилагательное *eccentric*. Действительно, отношение к эксцентричности как черте характера различно у разных народов на разных этапах их развития. Также оно различно в различных слоях общества, субкультурах. Произведения перечисленных авторов позволяют определить, какое отношение к данной черте характера существовало в британском обществе первой половины XX века. Три писателя, жившие в одно время в одном государстве, в произведениях эксплицируют особенности мировосприятия других представителей эпохи. Анализ языкового материала, в таком случае, позволяет раскрыть особенности языковой картины мира носителей британской лингвокультуры первой половины XX века. Данный исторический период представляет исследовательский интерес, т.к. именно тогда в Великобритании происходил переход от мирного периода Викторианской эпохи к XX веку, ознаменовавшему большие глобальные перемены. С целью определения аксиологических коннотаций прилагательного *eccentric* в английской языковой картине мира первой половины XX века рассмотрим фрагменты произведений У.С. Моэма, О. Хаксли и И. Во, содержащие характерологический портрет персонажа. Определение оценочных коннотаций позволяет

изучить стереотипизированные представления об эксцентричности как черте характера, существовавшие в английской языковой картине мира первой половины XX века.

Методом сплошной выборки было установлено, что в характерологическом портрете персонажей У. С. Моэма лексема *eccentric* использована 14 раз, О. Хаксли — 13, И. Во — 16 (табл. 1), т.е. обладает высокой частотностью. Приведем словарную дефиницию прилагательного *eccentric*: *considered by other people to be strange or unusual* [1, с. 484]. Данное определение подчеркивает только необычность эксцентрического характера, но не позволяет понять отношения английского общества к нему. Значение прилагательного *eccentric* в его словарном, лишённом оценочных коннотаций, значении эксплицировано в следующем текстовом фрагменте:

— 'Mr Philbrick, senior, was a slightly *eccentric* sort of a cove. He made a big pile out of diamond mines while he was quite young and settled in the country and devoted his declining years to literature [2, с. 37]

Из приведенного примера видно, что носителям английского языкового сознания первой половины XX века свойственно расценивать поведение богатого человека, который предпочел уединенную жизнь и творчество роскоши высшего света, как эксцентричное и странное. Однако данный материал не дает возможности сделать достоверный вывод о том, является ли эксцентричность, с точки зрения

Таблица 1

Статистика использования прилагательного *eccentric*
для описания характера персонажа в произведениях У.С. Моэма, О. Хаксли и И. Во

Автор	Социальный статус			Возраст				Гендерные различия	
	Аристократия	Средний класс	Рабочий класс	Детство	Молодость	Зрелость	Старость	Мужчины	Женщины
У. С. Моэм	8	6	0	0	5	9	0	8	6
О. Хаксли	12	1	0	0	6	7	0	4	9
И. Во	15	1	0	0	4	12	0	3	13

представителей английской лингвокультуры, отрицательной или положительной чертой характера. Полагаем, что персонаж, о котором идет речь, предпочитает следовать собственным желаниям, не оглядываясь на мнение общества и не боясь показаться странным. В данном примере мы находим подтверждение мнения В. И. Карасика о том, что англичанам свойственна любовь к свободе [3, с. 69].

Анализ статистических данных исследования свидетельствует о том, что прилагательному *eccentric* приписываются отрицательные оценочные коннотации. В общей сложности насчитывается 43 случая употребления данного прилагательного в характерологическом портрете персонажей изучаемых авторов. Контекстуальный анализ характерологических портретных описаний персонажей в произведениях У. С. Моэма, О. Хаксли и И. Во позволил выявить 25 текстовых фрагментов, в которых эксцентричность представлена как отрицательная черта характера, 5 текстовых фрагментов, где ей дается положительная оценка и 12 случаев, когда аксиологическая составляющая была выражена не явно. Таким образом, в абсолютном большинстве случаев (58 %) эксцентричность вызывает у носителей английской лингвокультуры отрицательное отношение. Рассмотрим примеры, где отрицательные аксиологические коннотации прилагательного *eccentric* выражены особенно ярко:

— I've known several cases of men you could hardly have told were mad; just *eccentric*, you know; who've been put on observation, and after a few days they've been raving lunatics [2, с. 68];

— There were of course the Catholics themselves, but these came seldom into the little world Julia had made for herself; those who did were her mother's kinsmen, who, to her, seemed grim and *eccentric* [4, с. 94];

— every kink in their characters had free play; there was nothing to restrain them; they grew narrow and *eccentric* [5, с. 156];

— He was an *eccentric*, arrogant, exuberant, vain and charming fellow [6, с. 9].

Контекстуальный анализ приведенных выше текстовых извлечений позволяет сделать вывод, что в английской языковой картине мира начала XX века прилагательное *eccentric* составляет ассоциативный ряд не только с прилагательными *strange* и *unusual*, но и со следующей лексикой: *mad*, *crazy* (сумасшедший), *grim* (свирипый), *inhuman* (бесчеловечный), *narrow* (ограниченный), *exuberant* (склонный к излишествам), *vain* (тщеславный), *arrogant* (высокомерный). Вся перечисленная лексика имеет ярко выраженные отрицательные оценочные коннотации. Следовательно делаем вывод, что, с точки зрения носителей английской картины мира первой половины XX века, эксцентричный человек может предстать не только странным, но и жестоким, высокомерным и даже лишенным рассудка.

В приведенном ниже примере определение аксиологической составляющей значения прилагательного *eccentric* требует более глубокого анализа. В данном текстовом фрагменте У. С. Моэм использует парадокс в качестве стилистического средства, придающего насыщенность эмоциональному описанию характера персонажа. Однако, учитывая сложность и многокомпонентность семантического значения прилагательного *eccentric* в английском языке, предположим, что в данном случае рассмотрение данного фрагмента исключительно в качестве примера использования парадокса, может от-

влечь внимание от еще одного важного ресурса получения информации о коннотациях рассматриваемого прилагательного.

— It was obvious that he had no social gifts, but these a man can do without; he had no *eccentricity* even, to take him out of the common run; he was just a good, dull, honest, plain man [7, с. 24].

Данный пример интересен тем, что в нем прилагательное *eccentric* противопоставляется прилагательным как с положительными, так и с отрицательными оценочными коннотациями. Прежде всего в нем подчеркивается неординарность эксцентричных людей (*out of common run*) в том числе, с помощью его противопоставления прилагательному *plain* (простой, обычный [1, с. 1149]). Противопоставление, содержащееся в данном предложении, основано на использовании прилагательного *eccentric* как антонима прилагательным *good, dull, honest*. Два из них (*good* и *honest*) имеют ярко выраженные положительные оценочные коннотации, и их противопоставление прилагательному *eccentric* позволяет продолжить его ассоциативный ряд такими отрицательно-маркированными прилагательными, как *bad* и *dishonest*. При этом в приведенном предложении прилагательное *eccentric* выступает антонимом прилагательному *dull* (скучный [1, с. 475]). Согласно словарю антонимов английского языка, прилагательное *dull* имеет противоположное семантическое значение с прилагательными *lively* (полный жизни [1, с. 900]) и *bright* (яркий, заметный, умный [1, с. 184]) [8].

В результате становится возможным сделать вывод о том, что в данном примере прилагательное *eccentric* наделено целым комплексом значений и смыслов, что позволяет раскрыть его сложное, многогранное значение в английской языковой картине мира первой половины XX века. Отталкиваясь от описанного выше противопоставления, можно заключить, что в данной лингвокультуре значение прилагательного «эксцентричность» наполнено такими дополнительными значениями, как неординарность, испорченность, импульсивность, лживость.

Фрагменты характерологического портрета, отражающие положительные коннотации прилагательного *eccentric*, также были выявлены в результате исследования:

— He had lived for many years in outports, often with no man of his own colour to talk to, and his personality had developed in *eccentric* freedom. He was full of feds and oddities. His frankness was refreshing [9, с. 117].

Из примера выше видно, что даже при выраженной положительной оценочности прилагательного *eccentric*, что подтверждается его сочетаемостью, например, с существительным *frankness* (честность), его также продолжают соотносить со странностью (*oddity*). Странность же, как было установлено ранее, является отрицательной чертой с точки зрения англичан поствикторианской эпохи. Таким образом, данный текстовый фрагмент при более глубоком рассмотрении не позволяет достоверно свидетельствовать о положительной оценочности прилагательного *eccentric* в отличие от тех, в которых реализуются отрицательные оценочные коннотации.

Отметим, что для английской языковой картины мира начала XX века эксцентричность — типичный признак аристократии:

— I like to think of them all: the *eccentric* milords rolling across Europe in ponderous carriages, bound on extraordinary errands [10, с. 61];

— *Eccentricity*...It's the justification of all aristocracies. It justifies *leisured* classes and inherited wealth and privilege and endowments and all the other injustices of that sort [10, с. 62].

Эта точка зрения подтверждается результатами количественного анализа (табл. 1): аристократия преобладает как объект описания посредством данной лексической единицы (8 случаев из 14 в произведениях У. С. Моэма, 12 из 13 в произведениях О. Хаксли и 15 из 16 в произведениях И. Во). По возрастному признаку прилагательное *eccentric* чаще встречается в описании молодых людей и людей среднего возраста (У. С. Моэм: 5 и 9, О. Хаксли: 6 и 7, И. Во: 4 и 12 случаев употребления соответственно). Данная лексема имеет одинаковую частотность для описания характера как мужчин, так и женщин (У. С. Моэм: 8 и 6, О. Хаксли: 4 и 9, И. Во: 3 и 13 случаев употребления соответственно).

Анализ объектов описания прилагательного *eccentric* позволил определить, что в 90 % случаев в творчестве изучаемых авторов оно применяется для описания характера представителей аристократии. При этом не было обнаружено ни одного случая, когда прилагательное *eccentric* было использовано в описании характера не англичан, а представителей какого-либо другого народа. Это позволяет подтвердить точку зрения В. И. Карасика о том, что эксцентричность является чертой английского национального характера [3, с. 66].

Также можно сделать вывод, что стереотипизированному представлению об эксцентричности в английской картине мира начала XX века свойственны негативные аксиологические коннотации. Эксцентричность неразрывно связана с такими чертами характера, как жестокость, тщеславие, импульсивность, лживость и т.п. Нами также выявлено незначительное количество употребления лексем, которые являются репрезентантами положительных качеств и при этом ассоциируются с эксцентричностью, — честность, внутренняя свобода.

В характерологическом портрете персонажей У. С. Моэма, О. Хаксли и И. Во прилагательное *eccentric* обладает значительным показателем частотности. Это указывает на то, что семантическое значение данного прилагательного образуется рядом смыслов, имеющих особое значение для носителей английской лингвокультуры первой половины XX века. Следовательно, описываемое прилагательное имеет значительный потенциал для изучения стереотипов.

Стереотипное представление об эксцентричных аристократах поствикторианской эпохи также находит отражение в речи героев исследуемых произведений. Всего было выявлено 10 примеров оценки эксцентричного характера через речь других персонажей, больше всего (5) — в творчестве О. Хаксли. Например:

— He was too *eccentric* for my taste. There's such a thing as being too clever, isn't there? It's rather inhuman [11, с. 180].

Полагаем, что данный пример определяет эксцентричность, как характерную черту аристократов — людей с высоким интеллектом, которые заставляют окружающих испытывать чувство неловкости.

Контекстуальный анализ значения прилагательного *eccentric* в произведениях У. С. Моэма, О. Хаксли и И. Во позволил сделать выводы о представлениях, стереотипных для английской языковой картины мира первой половины XX века. В целом прилагательное *eccentric* содержит отрицательные оценочные коннотации. Эксцентричность рассматривается как проявление испорченности, импульсивности, лживости и неординарности. Неординарность является проявлением странности, высокого самомнения. К тому же эксцентричность чаще приписывается женщинам-аристократкам среднего возраста.

Библиографический список

1. Oxford Advanced Learner's Dictionary / C. McIntosh, J. Turnbull. — Oxford : Oxford University Press, 2005. — 1952 с.
2. Waugh, E. Decline and Fall. — Oxford : Oxford University Press, 2000. — 200 с.
3. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж «английский чудак»: моногр. / В. И. Карасик, Е. А. Ярмахова. — М. : Гнозис, 2006. — 240 с.
4. Waugh, E. Brideshead Revisited. — London : Penguin Books Ltd., 2002. — 336 с.
5. Maugham, W. S. Of Human Bondage. — London : Random House Inc., 2006. — 656 с.
6. Maugham, W. S. Theatre. — London : Random House Inc., 2008. — 304 с.
7. Maugham, W. S. The Moon and Sixpence. — London : Random House Inc., 2008. — 224 с.
8. Free Visual Online Dictionary [Электронный ресурс] — Режим доступа : <http://www.snappywords.com/> (дата обращения: 04.04.2013).
9. Maugham, W. S. The Painted Veil. — London : Random House Inc., 2007. — 224 с.
10. Huxley, A. Crome Yellow [Электронный ресурс] — Режим доступа : http://www.online-literature.com/aldous_huxley/crome_yellow/ (дата обращения: 04.04.2013).
11. Huxley, A. Limbo. — London : Chatto and Windus, 1920. — 308 с.

СТАУРСКАЯ Наталья Валерьевна, переводчик отдела международных связей, соискатель по кафедре английской филологии.

Адрес для переписки: nat_staur@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2013 г.

© Н. В. Стаурская

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕКЛАМНОГО СТИЛЯ (НА ПРИМЕРАХ РЕКЛАМЫ Г. ОМСКА)

Статья посвящена особенностям рекламного стиля. В ней рассматривается функциональный аспект, раскрывающий возможности использования элементов разговорного, художественного и публицистического стилей в рекламе. В качестве примеров приведены рекламные тексты и слоганы, взятые из печатных источников города Омска.

Ключевые слова: стиль, функциональный аспект, рекламный текст, слоган.

Совокупностью языковых средств и приемов, с помощью которых создается рекламный текст, а также совокупностью лексических, морфологических, синтаксических признаков и структурных характеристик, по которым распознается подобное сообщение, характеризуется рекламный стиль. «Стиль — это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [1, с. 55]. Стиль — одна из разновидностей языка, языковая подсистема со своеобразным словарём, фразеологическими сочетаниями, оборотами и конструкциями, отличающаяся от других экспрессивно-оценочными свойствами. Типовой стиль служит основой для создания индивидуального. Стили языка получили название функциональных потому, что они выполняют важнейшие функции, являясь средством общения, сообщения определённой информации, воздействуют на слушателя или читателя. По мнению М. Н. Кожинной, «функциональный стиль речи — это определенная социально осознанная разновидность речи, соответствующая той или иной сфере общественной деятельности и форме сознания, обладающая своеобразной стилистической окраской, создаваемой особенностями функционирования в этой области языковых средств и специфической речевой организацией (структурой), имеющая свои нормы отбора и сочетания языковых единиц, определяющиеся задачами общения в соответствующей форме» [2, с. 13]. Функциональные стили обуславливают стилистическую гибкость языка, безграничные возможности выражения мысли. Они тесно связаны с содержанием, целями и задачами высказывания, различаясь языковыми признаками — принципами отбора и организации средств общенационального языка.

Функциональный аспект предполагает разделение на официально-деловой, научный, публицистический, художественный и разговорный стиль. В рекламе используются в основном средства художественного, публицистического и разговорного стилей. Но иногда возможны вкрапления в рекламный текст средств научного стиля: реклама техни-

ческого товара или профессиональных услуг. В соответствии с этим рекламный стиль выбирает из функциональных стилей те средства (слова и формы слова, языковые выражения и синтаксические конструкции), которые могут наилучшим образом заполнить внутреннюю задачу данного стиля.

Особенности художественного стиля, используемые в рекламных текстах. Рекламный текст является интересным и увлекательным, если его язык насыщен изобразительно-выразительными средствами (тропами), что позволяет дать яркую картинку рекламируемого товара или услуги [3, с. 42]. Общее, что объединяет тропы, — это наличие второго смысла (переносного значения). Использование тропов делает язык рекламы более оригинальным и за счёт этого более действенным. Чаще всего в рекламных текстах используются такие изобразительно-выразительные средства и речевые фигуры: эпитеты — *Мягкие цены — пушистое качество* (меховой салон «Мишель»), гиперболы — *Больше рыбы только в море* (рыбный рынок), эпитеты — *Цветущее здоровье от умного молока* (молочный институт «ВНИМИ Сибирь»), метафоры — *Путешествие на вершину вкуса* (ресторан «Сенкевич»), олицетворения — *GEOX. Обувь, которая дышит* (магазин одежды и обуви), ритм и рифма, восклицательные предложения — *Если ты устал от дел, поезжай в «Политотгел»!* (база отдыха «Политотдел»). Рекламная информация может быть изложена не только различными жанрами (рекламный текст, рекламный отчет, рекламное объявление), но и в различной форме, например, в стихотворной:

*И невесту студента,
И невесту банкира
Одеjem негорого,
Стильно, красиво.*

(Свадебный салон «Невеста».)

Большую роль здесь играет и индивидуальный подход автора, который выбирает лучшие, на его взгляд, композиционные модели, лексические, морфологические и синтаксические средства данного стиля.

В публицистическом стиле представлено всё стилистическое богатство русского языка. Ему присущи экономия языковых средств, лаконичность и популярность изложения при информативной насыщенности, отбор языковых средств с установкой на их

доходчивость и эффективную восприимчивость. Такая же цель и у рекламы: доходчивость, воздействие, информация. В любом рекламном объявлении содержится призыв к совершению покупки, что чаще всего выражается глаголами повелительного наклонения (*Приходите всей семьёй — бюджет интересно!* Атриум-кино) и употреблением восклицательных предложений (*Вы на правильном пути, и вам стоит к нам зайти!* строительный рынок «Южный»). Кроме призывности, характерны оценочность и логичность. Оценочность проявляется в употреблении слов с эмоционально-экспрессивной окраской: *Малышам всегда мы рады, детский смех их нам в награду* (Центр раннего развития ребёнка «Маленький гений»). Как и в любом тексте, в рекламе обязательно должна присутствовать логика. Части текста, логически связанные, не только помогают привлечь внимание покупателя, но и удерживают его интерес при чтении. В рекламных целях используются почти все публицистические жанры (рекламная заметка, статья, корреспонденция, репортаж, интервью, очерк).

Отражение разговорного стиля в рекламных текстах. Язык рекламного сообщения может быть приближен к устной разговорной речи, поэтому в рекламе часто используются различные разговорные конструкции: обиходно-бытовая лексика и фразеология (чистый фразеологизм, переосмысленный фразеологизм) — *Пришёл, увидел и купил одежду в магазине «Фил»!* (магазины верхней одежды «Фил»). Использование разговорной и просторечной лексики при изложении рекламной информации позволяет сделать процесс общения непринуждённым, что вызывает доверие читателя: *Хватит мечтать — пора отдыхать!* (турфирма «Магнолия»). Кроме того, можно вести разговор на языке читателя, например, используя молодёжный сленг: *Программируй успех — поступай в Политех!* (Омский государственный технический университет). В этом стиле широко используются стилистически окрашенные средства, в том числе метафоры с оценочным значением: *В центре города, в сердце каждого омича!* (торговый центр «Омский»). Ещё одной чертой разговорного стиля является наличие средств экспрессивного синтаксиса в рекламном тексте. Это парцелированные предложения, вопросно-ответные конструкции — *«Хочешь знать больше всех? Хочешь жить ярче всех? Если важен успех, приходи в ПОЛИТЕХ!»* (Омский государственный технический университет), номинативные предложения — *Забота. Удобство. Экономия* (аптека «Медикаея»), предложения в виде риторических вопросов — *Стоит ли бегать по всему городу в поисках необходимого, если в торговом центре «Омский» есть всё?!* (торговый центр «Омский»).

«Использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении; скрытого — значит, неосознаваемого адресатом» [4, с. 107] является основной задачей текстов рекламного стиля. Иными словами, когда скрытые возможности языка используются копирайтерами для того, чтобы привлечь внимание потенциального потребителя, сформировать определенное представление о товаре или услуге, отношение к рекламе, эмоциональную реакцию, намерение приобрести товар или воспользоваться услугой, не совпадающие с тем, какие слушатель мог бы сформировать самостоятельно, принято говорить о власти языка.

Язык рекламы развивается на основе всех известных функциональных стилей речи. Нередко в

рекламных текстах успешно применяются элементы различных функциональных стилей. Задача копирайтера состоит в том, чтобы оценить правильность выбора автором «интонации» текста, уместности использования тех или иных лексических, морфологических, синтаксических средств разных стилей в рекламе данного товара.

В книге К. А. Ивановой «Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов» [5, с. 82] предлагается классификация стилей рекламных текстов, в основе которой лежит следование общеизвестным литературным жанрам.

Повествовательный стиль. Рекламная информация подаётся в виде рассказа, где описывается ситуация или приводится пример из истории, и только в конце появляется рекламируемый объект, который и служит разрешением сложной ситуации.

Не кидайте деньги в окна!

Проблемы с окнами? Створки невозможно нормально ни открыть, ни закрыть, ручки не поворачиваются, в щели задувает, а с балконной дверью попробуй справиться!

Как обычно поступают россияне? Полностью меняют старые окна на новые. Модернизация деревянных окон по шведской технологии стоит намного дешевле полной замены. В течение всего лишь одного дня специалисты РМ «Утепление Окон» в буквальном смысле подарят вашим старым окнам новую жизнь. Это даст сразу же несколько преимуществ. Во-первых, в вашей квартире никогда больше не будут гулять сквозняки и значительно улучшится микроклимат. Во-вторых, заметно снизится уровень шума. В-третьих, гораздо реже придется делать влажную уборку. В-четвертых, навсегда отпадет необходимость заклеивать окна на зиму.

Экономленное тепло соответствует 30 % экономии электроэнергии, которая, как мы все знаем, дорожает из года в год. А об экологии деревянных окон не будем даже и говорить. Вся дополнительную информацию Вы всегда можете узнать по телефону в Омске 38-94-31.

РМ «Утепление Окон».

Диалогический стиль. В рекламе довольно часто используют диалогическую речь, которая придаёт тексту большую достоверность, но здесь следует помнить, что диалог должен быть увлекательным и захватывающим. Разновидностью диалогического стиля является изложение рекламной информации в виде вопросов и ответов, причём описание преимуществ товара должно быть заложено в вопросах:

Татьяна Зарубина, руководитель школы-студии Татьяны Зарубиной

Вопрос: Чему учат малышей в школе моделей?

Ответ: Я бы сказала не в школе моделей, а в школе эстетического воспитания. Детей учат быть в первую очередь не моделями, а настоящими маленькими леги и джентльменами. Съёмки и показы придают им уверенности в своих силах. В школе учат красиво ходить, держать осанку, правильно вести себя в обществе. Хореография помогает ребенку быть пластичнее и хорошо двигаться. Занятия по сценическому мастерству развивают в ребенке творческие способности и учат правильной речи. Кроме этого, ученики школы готовятся к участию в различных конкурсах красоты и талантов. Это помогает им развиваться и двигаться вперед.

Метафорический стиль. Этот стиль характеризуется использованием рифмованных строк, образительно-выразительных средств (сравнений, гипербол, литот, метафор, метонимий), а также юмора.

Адмирал М

Ул. Кемеровская, 9, оф. 112 824-72-53, 21-02-43, 24-16-80 28-73-24 (круглосуточно) admiral-tour@mail.ru

Мы не обещаем больших скидок — мы честно даем их нашим туристам! Мы не рекламируем горящие туры и специальные предложения — мы реально находим их для наших туристов! Мы не перечисляем страны и курорты, но в каждом самолете в эти страны летят наши туристы! Мы реально дарим каждому клиенту бонусы на отдых в нашем комплексе «Адмирал Макаров» в Красноярске и банные комплексы «Аура» (ул. Кемеровская, 9) и «Амазонка» (ул. Красный путь, 143). «Адмирал М» ждёт вас!

В омской рекламе присутствуют тексты, иллюстрирующие особенности рекламного стиля. Текстовая реклама довольно разнообразна, встречаются элементы разговорного, публицистического и художественного стилей. Широко используются языковые средства, встречающиеся в художественном стиле: эмоционально окрашенная лексика, слова в переносном значении, что позволяет выделять изобразительно выразительные средства и речевые фигуры. При рассмотрении стилистических особенностей публицистики необходимо выделить следующие: номинативные предложения, вопросно-ответные конструкции, жанровое многообразие рекламных текстов. Разговорный стиль представлен в омской рекламе использованием разговорных конструкций, стилистически окрашенных средств с оценочным значением, наличием средств экспрессивного синтаксиса.

В соответствии с вышеизложенной информацией, можно сделать вывод, что при создании рекламного текста возможно использование средств разных стилей, это зависит от целевой аудитории, качеств рекламируемых товаров или услуг, а также от индивидуального стиля копирайтера. При этом следует помнить, что текст должен быть ясным, кратким и легко воспринимаемым. В связи с этим можно привести несколько стилевых принципов, которые выделяет Дж. А. Валладарес [6, с. 62]:

— Пользуйтесь языком, который понимает ваша целевая аудитория.

- Стремитесь к простоте.
- Пользуйтесь активными глаголами и красочными существительными.
- Не забывайте о ритме, размере и рифме.
- Не перегружайте текст наречиями и прилагательными.
- Пользуйтесь короткими предложениями.
- Избегайте банальных фраз.
- Не перенасыщайте текст сравнениями и метафорами.
- Ищите новый смысл слов.
- Не забывайте о логике и убедительности.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. — М. : Издательство Академии наук СССР, 1963. — 256 с.
2. Кожина, М. Н. К основам функциональной стилистики / М. Н. Кожина. — Пермь, 1968. — 252 с.
3. Бернадская, Ю. С. Текст в рекламе : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 032401 (350700) «Реклама» / Ю. С. Бернадская. — М. : Юнити-Дана, 2008. — 288 с.
4. Рекламный текст: семиотика и лингвистика / Ю. К. Пирогова [и др.]. — М. : Гребенников, 2000. — 268 с.
5. Иванова, К. А. Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов / К. А. Иванова. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2010. — 176 с.
6. Валладарес, Дж. А. Ремесло копирайтинга / Дж. Валладарес. — СПб. : Питер, 2005. — 272 с.

СУВОРОВА Надежда Николаевна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков.

Адрес для переписки: suvorova_1809@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.04.2013 г.

© Н. Н. Суворова

Книжная полка**ББК 81.411.2/3-22**

Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение [Текст] : ок. 110000 слов / А. А. Зализняк. — 6-е изд., стер. — М. : АСТ-ПРЕСС, 2009. — 794 с. — ISBN 978-5-462-00766-8.

ББК 81.432.1/Н73

Новичков, Н. Н. Англо-русский словарь сокращений по аэрокосмической и военной технике [Текст] : ок. 100000 сокр. / Н. Н. Новичков, И. В. Поляков. — М. : АРМС-ТАСС, 2009. — 1233 с. — ISBN 978-5-98384-020-1.